

НИКОЛАЙ ЗАХАРОВ

АННА ЕРМОЛАЕВА

Ж
У
Л
И
К
И
1

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ФАНТАСТИКА

Николай Захаров
Жулики. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Жулики. Книга 1 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее «лихими». Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Егеря шли за ним всю ночь по следу, с собаками и он, вымотавшийся до предела, упал часов в девять под сосенку, и прислушиваясь, стал готовиться к последнему бою. Лес притих, будто прислушиваясь вместе с Мишкой к треску сушняка под сапогами преследователей и рычанию овчарок.

Замолкли птицы и только заполошно верещали сороки, извещая остальных обитателей леса о том, что группа двуногих с оружием ломится через чащу, не разбирая дороги.

Два аккумулятора, давали надежду, продержаться полчаса наверняка. А больше Мишке было и не нужно. Выбрав холмик, он залег на краю полянки, заросшей молодняком и, рассчитив от травы предполагаемый сектор стрельбы, выложил перед собой обе «Оспы».

Немцы шли за ним по пятам и уже через пять минут первый кинолог с овчаркой на поводке, выскочил на полянку заросшую подлеском. Пес хрипел, удерживаемый немцем и с треском проламывался сквозь прошлогоднюю траву. Эту «сладкую парочку» Мишка сжег двумя короткими импульсами с каким-то садистским удовольствием:

– Получи, фашист, гранату от советского солдата!– Вспомнил он расхожую фразу и, сплюнув, отполз за гранитный валун, торчащий у него за спиной.

Прожженная насквозь овчарка, скулила, барахтаясь в траве и бежавшие следом за кинологом егеря, на открытое пространство выбегать, не рискнули. Залегли и затаились. Раздалось несколько резких свистков – это офицеры отдавали команды:

– «Обойдут с флангов. Живьем взять хотят»,– подумал Мишка, не разбирающийся в системе сигналов свистом, но и без этих знаний он понял, что они означают. Немцы не стреляли.

– Хрен вот вам, козлы,– процедил он сквозь зубы и выплевывая взглядом равномерно шарахающуюся траву, влепил туда «тройкой», устроив Аутодафе еще одному нерасторопному егерю.

Сухая трава вспыхнула погребальным костром, и в его пламени немец завизжал так, что у Мишки волосы зашевелились на голове:– «Жуткая хрень – эта Оспа»,– подумал он, а немцы по-прежнему не стреляли, шурша слева и, справа от него:

– «Сколько их всего там?»– Мишка взглянул на часы мельком.– «Вроде уже время "Ч". Пора бы уже. Еще бы минут пять продержаться»,– сжав в каждой руке по «Оспе», он перебежал к примеченной вековой сосне и, укрывшись за ее стволом, достал мелькнувшего егеря в камуфляже.

Немец вломился живым факелом в заросли сосняка и папоротника, молча, с хрустом обламывая сухостойные хворостины и замирая в них:

– «Повезло придурку, сразу загнулся»,– подумал Мишка, и ему стало жаль, горящий уже в трех местах по его вине лес:

– «Хрен эти козлы тушить станут»,– вздохнул он. Еще двоих Мишка расстрелял в упор, когда они уже прыгнули на него, выскочив в своих масках чуть ли не из-под его ног, когда он собрался снова сменить позицию.

Перепрыгнув через убитых и стреляя во все, что шевелится, Мишка с новыми силами, попытался оторваться от преследователей, и тут ему подломило ноги, будто огромным прутком металлическим, кто-то с размаху врезал по ним, и он полетел, кувыркаясь через голову. Придя в сознание, увидел склонившееся над ним лицо в фуражке:

– Отпусти оружие. Соппротивление бессмысленно,– сказал офицер по-русски, медленно, почти по слогам и Мишка попытался повернуть голову влево, чтобы взглянуть на руку, но это ему не удалось. Голову держали жесткие ладони, и Мишка плюнул в склоненное над ним

лицо. Лицо отшатнулось, поймав плевков, а сидящий на груди у Мишки егерь в пестрой куртке, хлестнул его по щеке зло, но аккуратно.

– Русише швайне,– прохрипел он при этом и ударил сжатым кулаком по предплечью, принуждая, таким образом, пленника выпустить оружие.

– Сука,– просипел Мишка, выплевывая кровь и осознавая в бессильной ярости, что буквально распят егерями на земле. Не меньше десятка их удерживали его тело и как ни странно, но у него, находящегося в беспамятстве, им не удалось выдернуть «Оспы» из рук. Облепили и пытались выкрутить рукояти из ладоней.

– Хрен вам, козлам,– прошипел Мишка и нажал на оба спуска одновременно. Импульсы плазмы, рванувшие из стволов, сжигали траву и землю, заставляя отпрыгивать немцев и ослаблять хватку, а последнее что он увидел, выворачиваясь бешеным усилием из-под навалившихся на него егерей и уже почти сев – это направленный ствол пистолета ему в лицо и яркую вспышку. А затем навалился мрак и был он осязаем настолько, что Мишка ворочался в нем, как в паутине и пытался выплюнуть из горла тугой ком, мешавший дышать:

– «Где я?»– думал он, пытаясь дотянуться руками до лица, но руки не слушались и не ощущались совершенно.– «Это я умер?»– почему-то пришла в голову мысль, с оттенком вопросительным.– «Нет, я же думаю, а Сур говорил, что методика технически доведена до совершенства. Тогда почему я не возвращаюсь в дом Силиверстовича?»– мысли эти звенели в голове и дыхание его, вдруг ставшее свободным, хриплым клекотом вырвалось из груди, будто это не он дышал, а кто-то рядом, чужой:

– «Вот, блин, попал!»– с тоской подумал Мишка.– «А начиналось все так здорово»,– и ему вдруг вспомнилось детство, школьные годы, армия и жизнь на гражданке, после демобилизации. Ясно, ярко и будто не его прожитые годы, а опять же кого-то другого. И увиделось все как бы со стороны, чужими глазами.

Мишка Соболев ничем таким особенным с детства не блистал. Прыгал, бегал и даже свистел средненько. Ну а уж какими-то экстрасенсорными способностями типа телепатии, телекинеза или телепортации – тем более не обладал. Он даже ушами шевелить не умел. В его классе – уже в первом, половина детей это умели, а Витька Семенов тот дальше всех сквозь зубы плюнуть мог. Ох, как ему все завидовали. И Мишка тоже завидовал. У многих его одноклассников необычные способности были, с самого первого класса проявившиеся или обычные, но усиленные. Верка Михайлова, например: могла на ресницах десять спичин удержать. Вот такие «махаоны» вырастила над глазенками. А Женька Никифоров мог щеку иглой проткнуть запросто, в любом месте. Каждый что-то умел, в крайнем случае – ушами шевелил и только Мишка Соболев был «мышью серой».

Ничего такого у него не имелось из способностей. Очень он переживал по этому поводу. Комплексовал. А ведь чем дальше, тем обиднее. У одноклассников-то с годами разные всякие, другие способности появляться начали. Кто-то на гитаре брякать научился, кто-то рисовать, а у кого-то голос прорезался.

В науках тоже некоторые преуспели. Вон Витька Семенов, мало того, что плевался, как верблюд дальше всех в классе, так он еще и на математических олимпиадах стал первые места занимать.

По всем предметам у учителей кто-нибудь из класса в любимчиках и, только Мишка еле-еле на тройках из класса в класс переваливался. Ну, не было у него тяги ни к одному предмету, даже к физкультуре. А поэтому учиться Мишке было не интересно и лень.

А ведь дебилом Мишка не был и соображал, когда это ему было нужно, очень даже быстро. Особенно когда зависала над его головой, ушами шевелить не умеющей, карающая длань чья-либо. Чаше отцовская – за очередной «неуд» по нелюбимым предметам. Вот тогда Мишка демонстрировал чудеса изворотливости и сообразительности. У него даже дневников было всегда два. Один для учителей – рабочий, другой для родителей – парадный.

И ведь за все время обучения один раз только попался он с этими дневниками. Он ведь, чтобы подвоха родители и учителя не почувствовали, за тех и других расписываться наловчился. Да так это у него ловко получалось, что когда однажды он, перепутав, сдал «парадный» дневник классной руководительнице, для глаз родительских предназначенный, то та и подвоха-то сразу не заметила. И может быть в нем, впервые ее бы запись подлинная появилась, если бы случайно не оказалась рядом на беду – математичка – Елизавета Павловна.

– Ну-ка, ну-ка,– схватила Елизавета Павловна дневник Мишкин.– Это когда же я Соболеву пятерку поставила по алгебре, что-то не припомню дива такого? Он и на тройку-то мой предмет не знает. Эко диво дивное! Да я ему и по геометрии одних пятерок наставила, только за прошлую неделю целых четыре,– дело было в учительской на перемене и естественно, что весь коллектив педагогический на «диво дивное» взглянуть захотел.

– Ну-у, жу-у-ук!– ахали учителя, рассматривая свои автографы завитушистые, Мишкой безукоризненно скопированные. Они-то думали, что подписи у них очень мудреные и неповторимые. И вот какой-то «шалопаи понимаешь», троечник серенький из 7–го класса взял, да и уверенность эту их, одним махом ликвидировал.

Что было-о-о!!! Досталось тогда Мишке со всех сторон по полной программе. На всю школу прославился. Так что один все же дар у него был – от Бога ли, от черта ли, но был. Все это признали сразу и безоговорочно. Талант у парня вне всяких сомнений. Талант фальсификатора, а попросту если, то – жулика. И так Мишку, за эти его «художества», бичевали и гнобили, так уличали, что он и сам в талант этот свой поверил. Особенно отец постарался. Так ремнем вбивал, что не захочешь, а уверуешь.

– В кого ты у нас урод такой?– спрашивал отец, трясая перед Мишкиным носом кулаком, с зажатым в нем ремнем офицерским. Ремень был от мундира с майорской звездой, честно отцом Мишкиным выслуженной, «в несокрушимой и легендарной».– Я думал, что династии продолжателя расу, а оказалось, что жулика выкормил, фамилию позорящего. Да тебя близко к армии подпускать нельзя, гаденыша,– ну и все в таком же духе. Потом, конечно, со временем все утряслось и в школе, и дома, но именно тогда Мишка впервые понял, что талант мошенника, в нем окружающими обнаруженный, имеет две стороны. Одну из которых, желательно никому и никогда не показывать.

Как у Луны – к примеру. Только у Луны скрытая сторона ничем от не скрытой особенно-то и не отличается и за нее Луну ремнем по заднице не хлещут. Нет, не раскаялся Мишка в содеянном, а сделал вывод для себя, что нужно быть внимательнее и осторожнее.

Школу Мишка закончил все на те же тройки дежурные и в отличие от обремененных всяческими знаниями одноклассников, не стал ломать голову, куда ему бежать с аттестатом, чтобы знания эти преумножить.

Амбиций у Мишки не было, поэтому пошел он работать на рынок грузчиком.

«А что? У нас любой труд почетен», – так родителям и заявил. А те, к тому времени, уже на Мишку рукой махнули и не ждали от него каких-либо достижений.

А Мишка, разгружая из фур мешки с картошкой и луком, присматривался к взрослой жизни без прикрас и пришел к выводу, что место рабочее он себе выбрал правильно. Не потому, что любил таскать тяжести или заработки у грузчиков рыночных какие-то повышенные. И даже не потому, что возможностей много подхалтурить и даже подворовывать имеется. Это тоже немаловажно, но главное – именно на рынке, особенно на задворках его, Мишка впервые в своей жизни увидел вблизи авантюристов и жуликов, прохиндеев разного пошиба. Родственные ему души.

Кто там только не ошалался: перекупщики сельхозпродукции, с липовыми справками об инвалидности, каталы-шулера кидающие колхозников на «бабки» в очко, секу и буру, ну и карманники – шныряющие между ротозеями – покупателями, само собой.

Уже появились первые кооператоры, с их длинным, дурным рублем и вокруг него засуетилась вся эта публика. И вот эта-то среда околонуговая и уголовная оказалась, для вчерашнего школьника, близкой, желанной и понятной. Здесь никто не говорил трескучих фраз и не норовил блеснуть эрудицией. «Срубить бабло с лоха» – вот чем все жило, чем дышало и чему подчинялось. Освоившись в рыночной суете и присмотревшись к ее изнаночной жизни, Мишка влился в нее со всем пылом души юношеской, жаждущей впечатлений. И на удивление быстро стал своим в разных ее закутках, закоулках и схронах.

Среда приняла, похлопала снисходительно по хлипкому плечу и сначала использовала на побегушках, да на «шухере», но заметив в новом своем члене нешуточные способности и тягу к авантюризму – начала учить.

Учился Мишка с удовольствием. Отличником был. Схватывал все на лету и скоро стал незаменим и у наперсточников, и у шулеров картежных, и даже у перекупщиков.

Прожженные в своем ремесле жулики диву давались его потенциальным способностям и скорости, с которой он перенимал их профессиональные навыки.

Знаменитый на весь город катала, у которого в колоде было тузов столько, сколько ему нужно – Васька Трефовый, наработывавший эти умения, в местах «не столь отдаленных» десятилетиями и тот восхищенно присвистнул, когда через неделю Мишка обставил его в «очко». Сдавая себе по два туза, пять раз подряд и лопухнувшись только один раз. Открыв двух тузов бубновых:

– Ну, фраер, обул. Ну, ты жу-у-ук. Далеко пойдешь в нашем ремесле, если менты не тормознут. Бросай ты эти мешки вонючие, пальцы побереги. А вот за два «лба» последних «стремных», в приличном обществе и на «перо» посадить могут. Упражняйся, Жучара, – вот так, с легкой шулерской руки, Мишка стал Жуком. «Погоняло» это к нему приклеилось намертво, и уже через неделю он и сам на него стал откликаться.

Хорошие отношения сложились у Мишки и с бригадой наперсточников. Присмотревшись к манипуляциям и сообразив в чем тут фокус – Мишка, как-то с утречка, подвалил к компании и изъявил желание сыграть, выложив на ящик четвертной.

Наплыва «лохов» не наблюдалось в это время раннее, и Мишка оказался единственным, желающим испытать счастье наперсточное.

– Кручу, верчу – запутать хочу, – затарахтел наперсточник, а бригада, играющая роль зевак, подтянулась в количестве пяти человек поближе, приготовившись разводить «лопуха».

– Ну, выбирай любой, – наперсточник приглашающим жестом указал на три наперстка. Мишка поднял средний и угадал.

Наперсточник озадаченно почесал за ухом и предложил удвоить ставку. Мишка поставил, и снова угадав нужный наперсток, с разочарованием был опознан «коллегами».

– Прикалываешься, блин. Работать мешаешь, – наперсточник швырнул в Мишку его подставным шариком.

– Так нет же никого все равно, – извинился Мишка. – Иду вот мимо, дай думаю, парней расшевелю немного.

– Где насобачился? – заинтересовался бугор наперсточников.

– У вас позавчера минут десять в ротозеях постоял, – честно признался Мишка.

– Че, десять минут постоял и просек? – не поверил бугор. – И как звать тебя, вундеркиндер?

– Жуком зовут, – протянул ему ладонь Мишка.

– А-а-а, вот значит какой ты – крестник Трефового. Знакомьтесь, братва, – это тот самый фраерок, который у Васьки Трефового пару уроков взял и «обнес» его в очко. Васька от него зеленого тащится, большое будущее предрекает. Может быть еще и гордиться когда-нибудь будем, что с самим Жуком поручаться довелось, – бригада уважительно загудела и полезла знакомиться с будущей знаменитостью.

– Поработать не хочешь с нами? У нас понимаешь манипуляторов недобор, а один в сосиску спился сволочь. Руки трясутся у гада. Хорошее бабло срубишь. Отвечаю, – бугор приобнял Мишку за плечи и зашипел в ухо:

– Бычар полно, блин, тупоголовых, а спецов не хватает. Долю в 10-ть процентов гарантирую.

– А чего так мало? – удивился Мишка. – Я думал, половину отстегнешь.

– Ты че, Жук, с дуба рухнул? Кто пополам рубит? Накладные расходы знаешь какие? Всем «башляем». Вобщак, ментам и бойцам. Больше 10-ти никак. У нас новички вообще за 5-ру «шуршат». Соглашайся. По две штуки всяко за смену иметь будешь, – уговорил.

В бригаде наперсточников Мишка месяца два наперстком по фанере «шуршал» и даже свой слоган фирменный придумал:

– Кручу верчу – Угадай, озолочу, – бригада ахнула:

– Ну, ты прямо баснописец Михалков, –

«Бабло», как и обещал «бугор», «рубилось» в пределах двух тысяч. Работа, правда, нервная. «Лохи» /опущенные Жуком / частенько, из угара игрового выпав, скандалили и требовали деньги, проигранные, назад вернуть. Милицией пугали и... Чем только не пугали.

А однажды «лох» один так разбушевался, что еле всей бригадой уgomонили. А он, по «мордам получив», не уgomонился, а убежал и вернулся с дружками-отморозками.

Прапорщиком ВДВ-эшным оказался. Ну и привел этих полосатых целый взвод. Хорошо их там натаскивают. Мишка очнулся вообще в реанимации. Чуть на тот свет не ускакал вместе с наперстками. Последнее что помнил – каблук в лицо летящий.

Когда у Мишки челюсть сломанная чесаться уже перестала и дома сидеть на шее у отца, к тому времени уже подполковника, стало совсем неудобно, то устроился он работать на вокзал Московский носильщиком. По специальности, в трудовой книжке зафиксированной.

С наперстками решил завязать: – «Деньги хорошие, но здоровье на них не купишь. Может еще повезло, что только сломанной челюстью отделался. Малой кровью. Бригадир наперсточный, до сих пор в коме, говорят, лежит. Вредная работа, однако, и молоко не выдают». Васька Трефовый посодействовал с трудоустройством. Только чемоданы Мишка-Жук не особенно-то и таскал, он больше на подхвате у Трефowego, под «лоха косил». Тот клиента зацепит, а Мишка, вроде как случайно, тоже напросится и клиенту рублей 200 – 300-а сольет, а проиграв, скандал закатит, требуя их вернуть. Клиент, в эйфории, посылает его куда подальше, а Трефовый тоже по шее слегка Мишке врежет и все – спектакль маленький закончен. После него Трефовый «опускает лоха ниже плинтуса и отпускает без штанов». А тот и «вякнуть» ничего не имеет морального права, потому что сам только что, так же вот раздевал. Простенько и действенно.

И так у них с Трефовым этот «тандэм» лихо получался, что в носильщиках Мишка до призыва в армию и проработал.

Призвали его весной и так быстренько прибрали и забрили, что Мишка заподозрил: – «Уж не отец ли лапу свою тут приложил?», – уж больно не нравилось ему, как ведет себя сынок непутевый в последнее время.

Друзья-приятели новые ему тоже не нравились. Васька Трефовый имел неосторожность попасть папаше на глаза. Дернул черт Мишку дать ему свой адрес домашний. А он взял, по простоте душевной, и пришел в гости. Отец, когда его фиксы увидел, с лица сбледнул. А затем сопоставил факты и «давнул на рычаги».

Загребли Мишку в армию, даже с фиксатом Васькой попрощаться не успел. Да еще и увезли в тмутаракань. Недельку трясся в вагоне. Есть такой город Новосибирск на карте нашей Родины, посмотрите, если кто не знает, так вот от него еще километров триста восточнее.

Городок военный был оторван от внешнего мира напрочь. Газеты приходили с недельным опозданием, и читать их было уже не интересно. Радио успевало рассказать. А вот телевидение работало через пень-колоду, складки местности не позволяли.

Служить Мишке в армии не понравилось, особенно первые полгода. И дедовщины хлебнул досыта. Зато последние полгода, как сыр в масле катался. Каптером в комендантской роте. Кто в армии служил, тот поймет.

А еще повезло Мишке с командиром непосредственным – старшиной роты прапорщиком Багуцким. Язвой желудка бедолага маялся и валялся по госпиталям постоянно. Поэтому жил Мишка, как у Христа за пазухой и такую бурную коммерческую деятельность развил, снабжая окрестное население различным имуществом, что чуть сверхсрочно не остался. Вовремя спохватился и, выгладив парадку, рванул на дембель – подальше от военного городка. Где военная прокуратура рылась в накладных и прапорщик Богуцкий, вырванный чуть ли не из-под ножа хирурга, невнятно пытался объяснить военным дознавателям, куда он девал несколько вагонов армейской тушенки и кучи барахла; сапог, бушлатов и даже простыней – полученных им по накладным.

Прапор тупо пялился на свои автографы в накладных и пытался вспомнить, когда и кому он их подписывал. Жуку хватило ума оформлять документы задним числом и втянуть в торговые операции несколько прапорщиков – заведующих складами.

И полетели у этих ребят их мелкие звездочки с погон. Суммы проходили такие, что даже военная прокуратура, терпимо относящаяся к растратам и хищениям, в этот раз свирепствовала.

Но даже дотошным дознавателям военным и в голову не пришло, что организатор и вдохновитель всех операций коммерческих – каптерщик комендантской роты – сержант Михаил Соболев. А тот ехал на дембель и вез чемодан денег.

Тратить их в тайге было не на что. Вот и накопил. С деньгами, правда, накладку вышла. Попал он с этим чемоданом под Павловский обмен купюр трехдневный. Мишка как раз в вагоне плацкартном, на полке трясясь, а он возьми и приключись.

Вышел Мишка на вокзале в родном городе, волоча чемодан неподъемный с деньгами, полагая наивно, что человек он можно сказать состоятельный. И узнал, что в чемодане у него не деньги, а макулатура уже. Опоздал. Если бы успел, то потерял бы половину, обменивая через того же Трефова. При его-то связях... С расстройства, Мишка дотащил чемодан до ближайшей набережной и швырнул эту бесполезную макулатуру в реку.

Вышел на середину моста и запуздырил в сердцах. «Концы в воду». Чемодан, как бы еще и издеваясь, метров двести плыл, отсвечивая светлой бочиной, пока не нахлебался речной воды и не затонул.

А Мишка, матерясь и плюясь, поплелся в отчий дом. Когда же, два дня спустя, он встретился с Трефовым и пожаловался ему на «подляну», в которую попал, то тот за голову схватился:

– С какого моста швырнул, недоумок? – Мишка назвал.

– Ой, блин, там глубина такая и течение, что без водолаза хрен чего найдешь. Да и с водолазом тоже. Накрылись бабки. Ты че совсем малохольный? Это для лохов три дня было отпущено, а для тех, кто с мозгами дружит, еще три месяца есть, – у Мишки челюсть отвисла.

– Как это?

– Каком. Читать внимательно постановления опубликованные нужно. А там есть исключения для командированных там всяких и прочих беременных граждан. Ох, Жу-у-к! Ты не Жук – ты лошара последняя. Мало тебя жизнь терла, зону опять же не топтал, вот и веришь всякой херне. Развели тебя на бабло, как пацана пятилетнего взрослые дядьки. Капусты где столько настриг? И почему в полтахах? Ты вроде в армии был? Или я чего-нибудь не знаю?

– В ней, в кирзухе. Ты думаешь, там хапнуть нечего? Да там столько возможностей «мульки вертеть», что на гражданке и не снилось. А полтахи – компактнее потому что и в один чемодан уместились поэтому. А если бы чирики коллекционировал, то пришлось бы пять чемоданов набивать. В финчасти земля удачно оказался в писарях, ну и...

– Лучше бы чирики все же... Их пока не меняют, только сотенные и полтахи, – Трефовый окинул сожалением взглядом «крестника». – Пять чемоданов чириков, мать моя женщина. Миллионер ты хренов.

– Ну, до миллиона там еще пару чемоданов не хватало, – хмыкнул сконфуженно Мишка. – А ты чем промышляешь? Все по вокзалам «лохов пасешь?»

– Ха! Когда это было, Жук? Забудь. Времена переменялись. Ты что там, в армии телик не смотрел? Время-то мутное какое сейчас, в самый раз по крупному лохов кидать. Мы с братвой сейчас пирамиды строим.

– Чего, чего строите? – не понял Мишка.

– Пирамиды, Жук, финансовые, – и Трефовый по-быстрому объяснил Мишке не хитрый механизм «разводилов на пирамиде».

– И что, несут бабки? – удивился Мишка.

– Хе-гэ, да еще и в очередях стоят. Ломятся. На «клешнях» номерки пишут, что б значит, никто не лез вперед – без очереди. Чтобы по-честному нам бабло сдать, – Трефовый сплюнул. – Ну, народ у нас. Лох на лохе сидит и лохом погоняет. Даже жалко их бывает, ей Богу.

– И что, менты не вяжутся? – продолжал удивляться Мишка.

– Менты в доле, Жук. Они нынче все ссучились и за зеленую бумажку американскую, готовы задницу лизать. У нас и обменники есть.

– У кого у Вас? – Мишка совсем растерялся.

– У братвы. Формально, конечно, на лошка какого-нибудь записано, а мы вроде как крышуем. Прикрываем бизнесменов – комерсов, чтобы им никто деловарить не мешал. Так что вливайся в дружный коллектив. Ты конечно пока без авторитета и в зоне не был, но авторитет – дело наживное. И зона – она не мать родная, подождет. Успеешь на кичу. Я за тебя слово скажу. Подъезжай завтра вот по этому адресу, – Трефовый сунул Мишке в руку визитку. – Это моя. Я там замдиректора числюсь, – и хлопнув Жука по плечу на прощанье, оставил с открытым ртом.

И завертелся Жук, вписываясь в новый жизненный уклад гражданский. В август 1991-го Мишка въехал на новенькой «девятке» цвета «мокрый асфальт» и с радужными перспективами на будущее?

Группировка, в которую он нырнул прямо из дембельского мундира, была одной из самых авторитетных в городе, а Трефовый – крестный отец Мишкин, в ней с самого основания и до сего дня в руководстве. Так что приняли его, как родного и к делам пристроили.

А когда Мишка не подвел и оправдал на деле оказанное ему высокое покровительство, то стали доверять дела наваристые и к информации допустили, к которой простого «бычару» и на выстрел не пускают.

Про то, что в Москве, что-то затевается, руководство группировки пронюхало по своим каналам загодя. Совсем не просто так, в середине месяца Мишка и еще десяток бойцов оказались в столице.

Формально если, то причиной была какая-то встреча «на высшем уровне», на которой нужно было поприсутствовать и «поиграть мышцами». На самом деле и встречи-то никакой не было.

Поселились на «хазе» у «кореша» Трефowego. По одной статье «чалился» он с ним на зоне Воркутинской. «Кореш забурел», «хаза» у него с видом на ул. Горького из пяти комнат. И сам раздобыл. «Морду наел» на вольных хлебах такую, что Трефовый его сразу и не признал.

– Ну, ты и шайбу нажрал, Слоняра, – обнял он поддельщика. – Правильное тебе погоняло прилепили. Точно Слон, – а Слон рявкал добродушно в ответ, хлопая Ваську по спине:

– А ты, как был глистоперище, так и ничуть не прибавил. Эх, брат, как мы с тобой седня вмажем, всем чертям тошно будет. Пока не захрюкаю.

– Знакомься, Жук – корефан мой давнишний, вместе зону топтали, – представил Мишке дружка Трефовый. – Эх, какие времена были, какие люди! Не то, что теперь. Слон, ты помнишь Борьку ссученого?

– Это которого на толковище опустили? Погоняло у него было – Мыло. Скользкий гад, га-га-га. Папа велел ему намылить задницу, га, га, га. Крысятничал суконец, – вспомнил Слон.

– Ну да – он. Сука, ушел тогда на волю и сейчас такое бабло наварил, что говорят, корону купил.

– Да иди ты... Параша? Быть не может! За бабло корону? Плюнь в рожу тому, кто языком метет. За такой базар и ответить можно. Может, попутал ты чего, Вась?

– «Плюнь». Солидные люди базарили.

– И че теперь? – впал в ступор Слон. – Эт че получается, закон похеру? Любой петушара в короли на бабле въехать может? Не-е-ет, быть такого не может. Сход надо собирать. Ты-то вот, чего не коронуешься? Ходок у тебя в самый раз, авторитет есть, мозги варят и закон блюдешь.

– Да я не рвусь, молодой еще, успею.

– Блин, эти суки короны покупают, а ты «успею»? На каком сходняке этой суке корону вернули?

Трефовый минут пять сыпал именами, а Слон только крякал и чесал толстый загривок.

– Да-а-а, солидник собрался. Это сколько же он в общак заслал, что такие люди за него слово свое не пожалели замолвить? –

Трефовый назвал сумму предполагаемую и Слон присвистнул:

– Да-а-а. Сучара. И что теперь? Под суками можем оказаться? Ведь его могут поставить Смотрящим на город. Прогибайся выходит или на перо?

– Смотрящим вряд ли, а вот на потоках, в темах, сядет и рулить ими будет – это запросто. И будешь пересекаться по делам с сучарой. Куда денешься?

– Мочить надо, в тихую от паханов. У них своя свадьба, а мы тоже не без мозгов чай, – скосил глазки Слон в сторону Мишки.

– Ты че предлагаешь, Слоняра? Да ежели базар наш кто услышит, то правез обеспечен и с толковища, с мылом в заднице не уйдешь. Как Мыло. В клифте дубовом зароят.

– Эт да. Ну, значит, поживем и посмотрим, как там оно само по себе дерьмом пообрастет. А, Треф?

– Жучара, ты ничего не слышал. Обижусь, если что и очень, –

Треф так взглянул на Мишку, что тот понял, лучше оглохнуть на самом деле, чем Трефогого обидеть. Кивнул и зашил рот жестом. «Да, хреновые видать дела в верхах. Раскол никак корячится у паханов. Резня с мочиловом такая может начаться, мама не горюй. Начнут сферы делить и землю. Кранты тогда. А тут еще «братки» появились отвязные, законов воровских не признающие вовсе. На сколько фронтов отмахиваться придется? Опасная жизнь начинается», – сделал он вывод.

А «мочилов» уже началось. По всем городам и весям «правильных воров», теснили появившиеся молодые и отмороженные группы и банды «спортсменов». Вели они себя нагло и палить начинали по любому поводу, забивая «стрелки».

Страна переживала кризис власти на всех уровнях и на криминальном тоже.

Попойка, как и обещал Слон, удалась на славу. Мишка очухался вообще под кроватью, с шлепанцем вместо подушки под головой. Кто-то тянул его за ногу и бубнил:

– Эй, Жук, выползай, танец маленьких леблядей начался.

– Какие лебеди? Да пошли вы все, – сопротивлялся, как мог Мишка, дрыгая ногами.

– Вылазь, говорю, – Трефовый отпустил Мишкину штанину и катнул под кровать банку пива.

– На, поправься и вылазь. Ты мне нужен, – когда через пять минут, высосав досуха жестянку, Мишка выполз, из-под кровати, то нашел «крестного» в одной из комнат сидящим

у экрана телевизора. На экране действительно отплясывали балерины, и звучала музыка Чайковского.

– «Танец маленьких лебедей». С каких это пор, ты на балет запал?– удивился Мишка, присаживаясь на стул,– Трефовый молча, пощелкал по кнопкам «лентяйки». По всем каналам отплясывали все те же балерины.

– И что это значит, что за хрень?– не понял Мишка.

– Горбача убрали, Жук. Власть ГКЧП– е прибрал. Государственный Комитет по Чрезвычайным Положениям. С утра пляски начались, пока мы тут хари давили. Танки в городе. Кантемировскую мазуту пригнали сюда. В окно глянь,–

Мишка подошел к окну и, отдернув штору, выглянул. Под окном стоял танк, а вокруг него толпились любопытные москвичи. Мальчишки облепили бронированного монстра и никто их особенно не прогонял. Танкисты сидели на броне и пили, что-то молочное из бутылок. Местные бабушки сердобольные солдатиков подкармливали.

– Траки пайку хавают. Видать с утра не жрамши. Может отнести им пару фунфырей и танк у них на прокат взять?– Мишка хмыкнул.– Отдадут, гадам буду.

– Ты, что не понял?– Трефовый подошел и встал рядом.– Гражданская война, того и гляди, может начаться. Мочиловое всеобщее, при нашем-то менталитете сермяжном,– Мишка удивленно взглянул на него:

– «Слова-то какие, оказывается, знает. Надо же!»

– Ну, чего тарачишься? Поднимай кодлу, нужно по городу прошвырнуться. К Белому дому все валят и что там заваривается, никто пока не знает. Но может не кисло получится,– скомандовал Трефовый.

Весь день они шныряли по городу. У Белого дома тоже побывали и даже, по команде Трефового, записались в защитники. Расписались за выданные АКМ-ы, предъявив липовые «ксивы». Выдавали всем желающим, даже по заводским пропускам и бойцы успели до полуночи еще дважды смотаться на эти пункты. Всего приперли на хазу Слона 30-ть АКМ и 90-то магазинов с патронами к ним. Треф радостно потирал руки:

– Ну, босота, завтра еще бы так же пробежаться по закромам демократским и считай, что съездили в стольный град не зря. Билеты окупил. Ха-га-га,– сглазил. На другой день «халяву» прикрыли. Какие-то хлопцы появились на входах в Белый дом и гнали всех посторонних в шею:

– Все, набралось сколько надо. Стволов больше нет,–

ну а путч сдох так быстро, что даже Трефовый сплюнул разочарованно:

– Слабаки. Облажались. Да уж... Рожи фраерские. Все – сворачиваемся и сматываемся домой. Тридцать стволов – это тоже не плохо.

– А ты говорил война,– Мишка ткнул пальцем в экран телевизора, на котором мелькала физиономия Горбачева.

Горбачев спускался по трапу самолета в куцей куртке и махал приветственно руками над лысиной с пятном.

– Обошлось пока, Жук. Вот только хрен ее знает хорошо это или плохо. Может, лучше бы перемочили сразу друг друга в короткой свалке, чем растягивать это удовольствие? Думаешь, теперь все пойдет там гладко?– Трефовый ткнул пальцем в потолок.– Хрен вот. Все только началось и кровянку еще увидим. Такую, что мало не покажется. Ладно, кончай базар, погнали домой.

Глава 2

Вернулись, обрадовав руководство привезенным арсеналом. И вскоре он, конечно же, пригодился.

Пока в Москве бодались за Кремль, в провинциях начались жесткие разборки за сферы влияния.

Беспокойная жизнь, полная стрельбы и взрывов наступила так внезапно и закрутила настолько активно, что опомнился Мишка только в больничной палате, в которой оказался, после хирургической операции. Две пули извлекли из его организма хирурги, и чувствовал себя Мишка отвратительно.

Одна зацепила слегка, а вот вторая – автоматная, прошила легкое и вырвала из спины приличный клочок мяса, переломав предварительно пару ребер. Мишка лежал, глядя в серый больничный потолок и думал, думал, думал. Времени на это теперь у него появилось предостаточно.

Еще и родители, вдруг вспыхавшие к заблудшему чаду запоздалым сочувствием, добавили мелодраматизма. Мать стонала и хлюпала в носовой платок. А отец – отставной полковник ВДВ, сурово хмурился, пока сынок лежал явно не способный, что-либо воспринимать адекватно. Но как только Мишка слегка оклемался, тут же и услышал столько поучительного, что чуть не взвыл на второй день. От обличительных речей папаши-отставника. А тот пилил и пилил, наверстывая упущенное, за все предыдущие годы. Прорвало. Если можно было бы сбежать от этого словесного потока, то Мишка просто немедленно выскочил бы в окно палаты прямо в пижаме больничной. Но пуля зацепила, что-то там – рядом с позвоночником и ноги его не слушались. Выписался он из клиники только три месяца спустя и сидя на инвалидной коляске. Все было не так уж трагично, по словам врачей, но полгода они гарантировали жизни колясочной и еще столько же костыльной.

«Корефаны» конечно не оставили без подогрева и засылали периодически кой-какие суммы на лекарства. И даже навещали. Трефовый божился, что «век воли не видать, если бросит дружба, здоровьем заплатившего за общее дело».

Может быть и сдержал бы он слово свое, если бы сам не получил под зад свой изворотливый, фугас нажимной. Говорят, что лопатой совковой с асфальта собирали.

– Вот тебе и вялотекущая гражданская война, – буркнул Мишка, когда ему сообщили новость о конце беспутной жизни «крестного».

Через год Мишка действительно уже обходился без костылей и ходил хоть и с тростью, но вполне уверенно и самостоятельно.

Из группировки он вышел тихо и без последствий для себя отрицательных. Сослался на инвалидность и общее недомогание, не позволяющее жить активно. Желających вступить в ОПГ было столько,.. ломались, что его «отставка» никого особенно и не огорчила. Тем более, что покровитель его сам ушел отчитываться перед Создателем, а завязок финансовых на Мишке не было. И недочетов тоже. Наоборот, по «понятиям», он сам имел право на «предъявы».

– Обращайся, Жук, если что. Поможем. Проблемы будут, заходи, – сказал ему на прощанье пахан и похлопал по перекошенному плечу. Что-то срослось в спине не совсем правильно и Мишку слегка перекосило. – Заходи, не стесняйся. Мы своих не бросаем и отмажем всегда. –

А в стране творилось черт знает что. Инфляция опускала население распавшейся «Империи зла» «ниже параша», а оно терпеливо сносая все, не переставало удивлять весь мир. Покорностью.

Мишка, успевший купить себе «двушку» – двухкомнатную квартиру за пустяковую сумму у спившегося алкаша, жил отдельно от родителей и сливал запас долларов в обменники. Нужно было как-то жить дальше, приложить силы и амбиции неизрасходованные и «снискать хлеб насущный». Не жить же на инвалидную пенсию, которая оказалась такой смехотворной, что Мишка даже и в собес не пошел документы на нее оформлять. Он в день тратил больше.

– «Пусть подавятся козлы винторогие», – вот только накопления таяли с удивительной быстротой. И однажды сунувшись за очередной денежкой зеленой, Мишка с удивлением обнаружил, что осталось у него последние пять тысяч и увы не разменными они не являлись: – «Надо чем-то заняться. Что-нибудь законом не запрещенное и хлебное. Коммерцией? Нафиг. Кормить ораву чиновников и корешей. Пахан, конечно, поможет с «обороткой», но потом так под себя пригнет, что взвоешь», – думал Мишка, глядя в экран телевизора и мельтеша каналами, которых стало столько, что он их все и запоминать не успевал: – Стрельба, стрельба, стрельба: Рембо, Чак Норрис, а вот Терминатор, с ободранной рожей опять палит по копам. Надоело, одно и то же, – Мишка убрал скуластое лицо Шварценеггера идущего сквозь бушующее пламя с помповиком на мускулистом плече и на экране появился, не мигая, уставившись на него, очередной «Чумак». По фамилии Кашпировский. Народ от него «тащился» и, побросав все свои дела, припадал к экранам, чтобы «благодати отхлебнуть».

«Во, дурдом», – рассматривал Мишка зал набитый битком. А Кашпировский считал и разглагольствовал.

«Разводиловое чистейшей воды, ведь обязательно кто-то выздоровеет и так, вот и будет потом хвалить чародея на каждом углу, рекомендуя всем друзьям и родственникам. Ну, а кто не вылечится, значит, сам виноват – веры не имел или недостойн за сволочизм. А если кто-то ласты склеит, хоть прямо на сеансе, тот и вовсе сволочь чистой воды и опять же польза родственникам от чародея. Сплошные плюсы. Минус только один. Слишком лезет этот лекарь на люди. Хреново для него это закончится. Гадом буду. Годок, другой мозги пополощет лохам и популярность свою переживет. Потому что все чуда ждут, а чудес на всех не хватает. Зато бабок загрести успеет на две жизни», – и тут Мишку осенило: – «А не заняться ли и мне чем-нибудь эдаким? А что? Ну, на телевидение, конечно, соваться не хрен. Слава мне не нужна. Мне бы чего попроще и поосязаемее. Согласен – на денежные купюры и даже на отечественные. Вон, в каждой газете этих колдунов, магов, чародеев и целителей, как собак нерезаных. Почитать кой-чего, чтобы в тему войти и продумав антураж, попробовать», –

Мишка обзвонил с десяток будущих конкурентов, интересуясь стоимостью услуг и челюсть, переломанная ВДВ-эшником, у него отвисала после каждого звонка: – «Ни хрена себе. За снятие порчи – 200 баксов, за заговор от негатива жизненного – 500-т. Однако! И бабки вперед».

Переписав несколько адресов, Мишка в течение недели их все посетил. Присматриваясь к аксессуарам, оформлению и организации этих «салонов счастья и благополучия». Ну, и ничего особенно сложного и невыполнимого. Дипломы у некоторых колдунов висят на стенах в рамках. Мишка даже попросил в одном салоне разрешение прочитать и хозяйка салона – толстая тетка цыганистой внешности, милостиво позволила. Мишка читал и только ахал мысленно: – «Диплом выдан Высшим Советом Всемирной Академии Магов и Ведунов, такой-то сякой-то, что она такая-то сякая-то, действительно является потомственной целительницей и прорицательницей, носителем светлых Сил, под покровительством Сил Добра и т. д. и т. п.» – Все в той же интерпретации. Штилем возвышенным и непонятным для обывателя-лоха. И печати, с хитрыми иноземными зверушками и надписями непонятными имеются.

– Почем за бумагу платила? – полюбопытствовал у Прорицательницы Мишка, отвлекая ее от процесса снятия порчи с него грешного.

Прорицательница вытаращила на него черные очи и фыркнула раздраженно:

– Из ментуры что ли? Так у меня все бумаги в порядке и Академия зарегистрирована в соответствии с действующим законодательством России. Отучилась и получила.

– Да нет, не из ментовской. Просто любопытствую. А сколько стоит обучение? Поди, денег?

– Само собой не деревянными платила, – Прорицательница с гордостью озвучила сумму и Мишка понял, что учиться в Академии Магов в ближайшее время ему не светит. Поцокал языком, отвалил Прорицательнице 200-ти долларов и прямо от нее рванул к знакомому «чистоделу».

Тот выслушал «нуждишку», прихлебывая халявный коньячок, Мишкой проставленный и захохотал так, что мухи посыпались с облезлого потолка:

– Ну, блин, Маринка дает. Да это я ей их за два литра водяры нарисовал, эти дипломы. У меня вон и «залепухи» все в ящике валяются. А тебе-то зачем эти бумажки?

– Да вот, хочу попробовать в колдунах, на икру с шампанским, с лохов бабки, по легкому нарубить, – откровенно признался Мишка.

– Тесен мир, блин. Маринка эта раньше по вокзалам шакалила, под цыганку косила. А теперь вишь ли – Прорицательница Светлых сил. А ты как назваться хочешь? И на чем специализироваться собрался? Советую взять, что позаумнее. Ту же порчу, сглаз. Заговоры на неприятности врагу. Тут и мы тебе подмогнем с братвой. Такие неприятности «нечаянные» замостырим, заказанным людишкам и за долю малую! Поможем авторитет заработать, чтобы, значит, слух пошел, что шибко ты умелец в этом деле крутой, – «чистодел» – с «погонялом» «Рука», вынул чистый лист бумаги и, ткнув в него пальцем, распорядился: – Пиши ФИО. И готовь два литра.

Через неделю Мишка – Жук уже держал в руках красиво оформленные дипломы. Из которых доподлинно следовало, что обладатель их Маг-Целитель и Магистр оккультных наук г-н Соболев Михаил Петрович, является потомственным Мастером и прочее, и прочее, и прочее. Мастерски поработал «Рука». Молодец. Дипломы на удивление легко «проканал» при регистрации индивидуальной трудовой деятельности.

Назвал салон свой Мишка просто – «Моменту Мора» – «Помни о смерти», если по-русски.

Через месяц он уже сидел в конуренке, задрапированной черным шелком и жег свечки стеариновые.

Перцепция прошла быстро и безболезненно. А стоила денег смешных – в 2-е тысячи долларов уложился. Вместе с рекламой, размещенной в десятке бульварных газетенок.

И пошел клиент-лох, как и ожидал Мишка, свежеиспеченный «потомственный – Маг оккультных наук».

Он даже «погоняло» себе магическое придумал – Михаил Светозарный. Вот так... Ни больше, ни меньше.

А в рекламках Мишка пообещал, что такие чудеса сотворит для любого желающего и совсем недорого, что счастье прямо повалит со всех сторон к заказчику и все проблемы рассосутся сами собой. Ну, а враги захворают и передохнут. Так и написал. – «Наведу порчу на недоброжелателей ваших, не снимаемую и неотвратимую. От кирпича нечаянного с крыши, до обрыва жизненной нити и помещения врага в ад крошечный, туда, где нет ничего кроме лязга зубовного». Особенно Мишке про «лязг зубовный» нравилось. Каков слог! Впечатляло! И клиент-лох, понес денежку, да так интенсивно, что Мишка не успевал подсчитывать. С нуждами шли разными. В основном с бытовыми. Заговор на удачу, на снятие порчи и сглаза, ну и врагов своих не забывали. У кого ж их нет? А нагадить врагу – это же святое дело. Для спасения души его ежели.

Бизнес такой Мишке очень понравился: – «Сидишь, а денежки сами к тебе бегут». И еще спасибо говорят, когда соглашаешься взять. А с помощью корешей из группировки, которым

«в прикол» устроить кому-нибудь жизнь веселую, авторитет «Михаила Светозарного» рос, как на дрожжах.

От заказов на «мокруху» – «до скрежета зубовного», Мишка, правда, уклонялся, хотя и такие пожелания у клиентов были. Не отказывался, а именно что уклонялся. Цену называл такую, что «лошара» ртом воздух начинал хватать.

– А Вы, думали как, любезный Игорь Станиславович? Жизнь человеческая бесценна. И этой-то суммы мало за нее. Так что Вы, если это Вам не по средствам, что-нибудь попроще попросите. Хотите, врагу Вашему неприятности бытовые наворожу? Трубы у него отопления лопнут или канализация засорится. Могу мордобой ему наколдовать качественный – стопроцентный. Или чтобы ограбили его в темном переулке. Это и дешевле гораздо и грех на душу не возьмете, – отшивал очередного жаждущего крови клиента Светозарный и тот – почесав «репу лошарскую», соглашался на мордобой с ограблением. Через полгода трудовой деятельности, Мишка уже на джипе «Чероки» на работу ездил. Нанял пару девиц смазливых – на все готовых и способных. Котяру черного завел – перса. Здоровенного, пушистого и ленивого. По причине отсутствия либидо кошачьего. Назвал его в честь «крестного» – Васькой. Впечатление Васька, своей мордой, производил на «лошар» неизгладимое. А еще «Михаил Светозарный» на «Птичьем рынке» попугая приобрел у какого-то старичка академической внешности.

– Вы, молодой человек, его берегите, он в нашем семействе 40-к лет прожил. Членом семьи можно сказать стал. Я конспектик набросал, как его кормить, ну и прочие мелочи, – протянул ему тетрадку дед.

– Так что ж вы, папаша, члена семьи продаете? Может, передумаете? – Мишка взглянул на сидящую, нахохлившись, птицу и ему стало жаль старика. Дед слезинку клетчатый платочком промокнул:

– Не могу, молодой человек. Сколько мне жить осталось? Год, другой, а потом все равно наследники мои его продадут. И к кому он попадет? Вот я и решил сам судьбу Кирюши устроить. Вижу я людей, молодой человек. До Вас я шестерым желающим отказал. Глаза не понравились. А у Вас незлобивые и животных, я вижу, любите. Кирилл тоже Вас полюбит, – Мишка пожал плечами. Не замечал он за собой любви к «братьям нашим меньшим». Дома у родителей сроду у них никакой живности не водилось, даже тараканов. В зоопарке, конечно, Мишка бывал и в клетках животных видел. Пялился, как все детишки и даже конфеты обезьянам бросал, но никогда не задумывался о том, любит ли он их, или нет. Вроде как «по барабану» ему все эти шимпанзе, бегемоты и крокодилы. А «дедок-академик» ему чем-то понравился. Может быть этой заботой своей наивной о судьбе попугая, который его переживет наверняка?

– А сколько ему лет, папаша, Кирюхе? – попугай Кирилл, услышав, что имя его переименовано, открыл круглый глаз и, склонив голову набок, проскрипел: – Я – Кир-р-рилл, а ты деб-б-бил, – Мишка вытаращился на птичку, а старик улыбнулся печально и извинился за попугая:

– Вы на свой счет не принимайте. Он эту фразу по сто раз на дню произносит. Уж не знаю, кто и научил. Потешно совпало в этот раз. Кирюша много слов знает и иногда удачно их вставляет. А лет ему что-то около 80-ти. Молод еще, по попугайным меркам. Он – теоретически и вас может пережить. До нашего семейства у капитана-морьяка жил. А тот его откуда-то из плаванья привез. Спился Филиппович, когда в отставку вышел. – «Без моря не могу жить», – говорил. Вот и запил. – «Что б земля под ногами шарахалась». К чести его надо сказать, что Кирюшу он не пропил. Чуть голодом не уморил, но не пропил. А когда преставился сам и «выморочное имущество» дворники выбрасывать стали, то Кирюша в нашу форточку залетел. Его дворники хотели, очевидно, продать вместе с клеткой, а он возьми и вырвись. Пришлось магарыч ставить, чтобы клетку его отдали. Вот так он у нас и появился в семействе, – дед вздохнул: – Вы не возражаете, если я его навещать буду? Часто-то я не смогу – разок в месяц.

– Да, пожалуйста, – Мишка сунул старику свою визитку. – Вот по этому адресу. Там часы указаны. Заходите, будем рады с Кирюхой, – и посмотрел на попугая. Тот трепыхнулся, но на

этот раз промолчал. Старик прочел текст на визитке, удивленно взглянул на Мишку и поинтересовался:

– Вы действительно, что-то умеете экстраординарное? Или это поветрие понесло – за хлебами легкими?– и как попугай склонил голову набок, в ожидание ответа. Мишка растерялся. Врать не хотелось, но и правду говорить тоже.

– Да умею кое-что, но в основном вполне материальное,– вывернулся он, вспомнив «корешей» с их «приколами». Старик кивнул удовлетворенно и представился: – Федор Леонидович – бывший преподаватель словесности,– Мишка с любопытством взглянул на него: – Соболев Михаил. Можно без отчества. А вообще Петрович. А мне почему-то подумалось, что Вы Академик не иначе. Извините, Федор Леонидович, без обид.– Федор Леонидович взглянул на него из-под кустистых, седых бровей близоруко сощурившись и, улыбнулся печально:

– А Вы ведь угадали, Михаил Петрович. Академик и есть. Академик словесности и до позапрошлого года еще лекции студентам в университете читал.

Мишка довез Академика до дома, в котором тот проживал и с тех пор Федор Леонидович чуть ли не каждую неделю стал навещать своего бывшего питомца Кирилла.

Странные отношения завязались у Мишки с этим занятым дедком-Академиком. У которого, жажда делиться знаниями не иссякла. Слушать его можно было часами.

–«Ну, вот почему у нас в школе не было такого Федора Леонидовича? Да я бы на его уроки бегом бы бежал», – думал он, слушая Академика. А тот, обретя благодарного слушателя, раскрывал перед ним глубины языка, истоки его, широту и богатство.

– Язык наш – сокровище. Каждое слово в нем – бриллиант,– Федор Леонидович задумчиво помешивал ложечкой в чайной кружке.

– А как же матершина, Федор Леонидович?– Мишка думая, что поймал Академика, ждал дежурных разъяснений об исключениях, которые только подтверждают правило и услышал совершенно другое:

– И они тоже. Да, да, молодой человек. И они. Как это ни парадоксально звучит. Крепкое словцо оно ведь тоже нужно и когда к месту сказано, то несет смысловую нагрузку гораздо более весомую порой, чем слова обычные. А сквернословить можно, кстати, словами вполне литературными и цензурой одобренными. Русский человек, Михаил Петрович, слово не ухом, а душой чувствует. Тысячами поколений это умение в народе на генном уровне закреплено. Нет скверных слов – есть сквернословы. И способен такой человечешка любое слово извратить и грязью облить.

– Ну, мне трудно вам, что-то возразить, Федор Леонидович, Вы -спец. А у меня по русскому всегда тройка была самой высокой оценкой и по литературе тоже. Не любил я эти предметы. Скукотища зеленая. Спал на уроках. А когда училка заболела, и уроки ее отменяли, то радовался громче всех в классе. Ура орал так, что у самого в ушах звенело.

– Не хочу хаять ваших педагогов, но думаю, что виной всему все-таки методики, которыми пользуются они, неся знания. Несовершенны, скучны, заполитизированы сверх всякой меры, а значит – односторонни и ущербны, по этой же причине. Вы правы – «скукотища зеленая». Мертвый язык, мертвая литература. Поэтому школьник и спит на уроке. Он чувствует, что ему, как это говорят нынешние – «впаривают» эрзац. Душа протестует и, отторгая, игнорирует. На физическом плане это проявляется этими вашими криками «Ура», ну и в зевоте тоже. Нормальная реакция живой души на всяческую мертвечину. Вы не способны осмыслить, но реакция правильная. У вас на глазах измывались над сокровищем, над языком. Да еще и участвовать в этом процессе принуждали. И тройка ваша в этом случае – это не признак ущербности а, пожалуй, даже наоборот. Признак души живой,– Академик улыбнулся.– Не слишком заумно наплел?– Мишка мотнул головой.

– Нет, что Вы. Это я понял про что Вы. А вот отличники, которые на пятерки «рубили» и как говорят от «зубов у них отскакивало», они что, козлы что ли?– Мишка озадаченно взглянул на Академика.

– Нет, молодой человек. Не козлы – люди. Практичные люди. Вы вспомните и скажите, кто из отличников души не чаял в этих уроках и не радовался вместе с вами, когда «училка» заболела? Кто огорчился?

– Не было таких. Все орали,– Мишка хмыкнул, вспомнив радостные лица одноклассников.

– Вот, видите? Тоже не любили эрзац. Притвориться можно, что любишь. Притворщики они. Вот поэтому и взрослыми становясь, живут лицемерно. Так приучены.

– Это Вы мне говорите, жулику со стажем, Федор Леонидович? Меня знаете, как называют друзья-приятели? Жуком. Жучарой. Я ведь людей на бабки развожу. Тем и кормлюсь. Паразитирую, в общем-то. Или это тоже протест против ханжества и лицемерия? А вот одноклассники мои – отличники, в институты и универы поступили. И возможно, что вы кому-нибудь из них лекции свои читали. Вот они позаканчивают ВУЗы и станут настоящими, полезными стране людьми, а я – я мусор.

– Вы не правы, Михаил – это в Вас максимализм юношеский крылышками плещет. На черное и белое все норовите разделить. А жизнь она из оттенков состоит и нюансов тончайших. И Вы только в самом начале ее пути. Все может перемениться завтра или послезавтра. Одна нечаянная встреча, один взгляд, одно Слово. Я ведь тоже в Ваши годы шалопаем был и сорвиголовой. По молодости даже в местах не «столь отдаленных» побывать довелось.

– Ну?– не поверил Мишка.– И по какой статье «чалились»?

– Чалился? За «хулиганку» трояк вlepили. По «малолетке» и отбывал. Ну, а отбыл срок и сразу на фронт ушел. Война вокурат через месяц с Германией началась. Вот там пришлось всякого повидать и людей она выворачивала так, что утверждать что-то категорическое быстро отучаешься. Видел я, как вчерашний зек, весь синий от наколок, под танк с гранатой кинулся. А политрук роты, интеллигентнейший человек, полиглот и эрудит – подкрадывался и, подслушав, о чем бойцы промеж себя говорят – доносы писал. И по ним несколько человек в штрафбат ушло. Так-то вот.

– И что потом с этим политруком стало?– заинтересовался Мишка дальнейшей судьбой эрудита-стукача.

– Зарезали ночью. Возвращался к себе в землянку, напали и горло от уха до уха располосовали. Из роты нашей, конечно, кто-то руку приложил. Не нашли преступника. На допросы особист всех перетаскал, но вычислить ни кого не смог. Рукой махнул и на немчуру списал. «Погиб смертью храбрых». Не спешите ярлыки на людей вешать. И на себя тоже,– никто с Мишкой так никогда не разговаривал. Академик уходил, а он снова и снова вспоминал его слова и начинал смотреть на себя и людей иначе. Поступки, слова, жесты, недомолвки. Люди становились интересны, даже лохи, приносящие в «клюве бабло» уже не вызывали в Мишке пренебрежительного к ним отношения. Раньше ему казалось, что он понимает их мотивы и желания. Теперь он понимал, что ни черта не понимал.– «А что я вообще знаю? Троечник серый. Поделил людей на овец и волков. Овец много, волков гораздо меньше. Вот и хорошо, я-то среди волков зубастых»,– Теперь все по-другому виделось. Оттенки, оказывается есть и полутона.– «А может людей нужно делить на смилившихся с мертвечиной и не смилившихся с ней? И может быть в его деятельности жульнической больше правды и жизни, чем во всех декларациях официальных? Которые, лицемерно призывают к законопослушности, чтобы стричь баранов покорных удобнее было?»– думал Мишка.

Глава 3

Кирюха действительно к Мишке быстро привык и любил, усевшись на его плечо левое, на то которое вздернуто чуть повыше из-за ранения, переминаться с лапы на лапу. Рубах у Мишки истрепал несчетно. Кроме своей коронной фразы, которую он мог действительно за день проскрежетать несколько раз, – «Я – Кирилл, а ты – дебилл», – Кирюха произносил еще с десятков таких же коротких и емких. – «Кирюша хороший», «Давай, наливай», «Сам такой», ну и еще несколько подобных.

С тех пор как он поселился у Мишки в салоне, Кирюха освоил еще одну коротенькую, но действующую на клиентов убойно, фразу, – «Михаил прав – молодец, мать твою». Специально Мишка ему ее не вдалбливал. Просто однажды подошел к клетке перед уходом домой и, постучав ногтем по ней, попросил:

– Кирюха, скажи что-нибудь хорошее, мать твою. Скажи, что я молодец и что всегда прав?

Кирюха потоптался на насесте и каркнул дежурную фразу: – Я – Кир-р-рил, а ты – де-б-билл.

– Спасибо на добром слове, – обиделся Мишка. – Молодец, мать твою. Я не дебилл, я Михаил и я прав, а ты засранец и завтра садись на диету, – уехал домой, набросив на клетку с грубияном, темную ткань. А когда утром вернулся и откупорил хамскую птицу, то услышал эту фразу:

– «Михаил прав – молодец, мать твою», – Кирюха повторил ее раз пять. Видать диеты испугался. А произнес ее в пятый раз, щелкнул клювом по прутьям и выдал: – Кирюша хороший, – и обалдевшему Мишке показалось, что фраза прозвучала явно с вопросительной интонацией.

– Хороший, хороший, Кирюха. Усиленное питание заслужил. Диета отменяется.

– Сам такой, давай наливай, – выдал Кирюха.

– Потерпи чуток, не погоняй, – Мишка выпустил Кирюху из клетки и тот моментально уцепившись за его плечо, начал тереться головой с хохолком о его висок.

– Подлиза, – констатировал Мишка и легонько щелкнул попугая по клюву.

И все же Академика Кирюха любил больше чем Мишку и когда тот приходил, то начинал радостно метаться, а усевшись ему на плечо, ворковал совсем как голубь и даже перья топорщил.

Ну, а когда Федор Леонидович уходил, то сидел Кирюха, после его ухода, пригорюнившись и почему-то норовил почесать лапой свою голову. Получалось это у него неуклюже и потешно. Но Мишке было не смешно. Ему было жалко попугая.

Полистав конспект Академика, Мишка привез и установил в углу помещения здоровенную корягу дубовую, еле затащил. Чтобы Кирюха чувствовал себя комфортно и мог ползать по ней, когти и клюв стачивая. У попугаев, как у крыс зубы, эти части организма постоянно природой наращиваются. Коряга Кирюхе понравилась, метался по ней вверх вниз, только крошево летело дубовое. Хорошо, что целых две уборщицы-секретарши-ассистентки / Лерка и Верка/ все равно без дела болтались. Занятие теперь у них появилось постоянное, в самый раз для их уровня интеллекта. За Кирюхой каждый час уборку осуществлять. Привыкшие ничего не делать, только глазки посетителям строить, Лерка с Веркой взвыли уже через два дня и потребовали увеличить им зарплату. Пришлось добавить. Грозились иначе уволиться и в путаны уйти. Молодые еще, глупые. Так им Мишка и сказал:

– Дуры, вы дуры. Вам, можно сказать, высокое доверие оказано. Кирюха ведь не простой попугай – это же Кокаду Инка. Таких, может быть, во всем мире сотня какая-нибудь осталась всего. Гордиться вы должны дуры и радоваться. А вы? – «В путаны уйдем». И чего хорошего? Там же работа нервная, вредная для здоровья и пенсия по старости никакая. Вообще

пенсии нет, если конкретнее. Жалко мне вас дур и привык я к вам уже, поэтому добавлю чуток из сострадания, но имейте в виду, если хоть крошку на полу увижу, то не обижайтесь. Вышвырну без выходного пособия и попрошу братву поставить вас на точки самые заваливающие, – «дуры» испугались, стали прощения просить и даже от дополнительной оплаты отказываться, но Мишка по столу, красным бархатом застеленному, ладонью хлопнул и послал их в зоомагазин за смесью из семян, для Кирюхи. Кирюха, правда, был неприхотлив и молотил все чего ни дашь, даже огурцы и морковку не привередничая, крошил клювом своим. А уж фрукты любые просто обожал. Однако смесь из всяких там орехов, семечек и зерна, «рубал» с особенным энтузиазмом. Даже глазки закатывал подлец от удовольствия.

Пока Лерка с Веркой за кормом бегали, клиент появился первый – мужчина пожилой, солидный, в очках и при галстуке. Представился Иваном Никифоровичем и начал нести ахи-нею о партнере по бизнесу, который его со свету сжить вознамерился. И намерения ему эти доподлинно известны стали «совсем вот недавно». Прямо вчера об этих намерениях и разнюхал.

Иван Никифорович горестно вздыхал и сморкался в огромный платок. Мишка поморщился и спросил:

– И чего же вы хотите от меня? – Иван Никифорович с надеждой на него через стекла очков зыркнул.

– Нельзя ли воспрепятствовать мерзавцу как-нибудь?

– Отчего же нельзя? Для этого и салон мой здесь открыт, чтобы препятствовать мерзавцам. А с чего вы, Иван Никифорович, взяли, что ваш партнер вас «со свету сжить вознамерился»?

– В салон он – гад стал шляться к этой Маринке-Провидице, а она ведьма только за такие дела и берется. Весь город про это знает. Уже раза три он ее посетил. И смотрит потом весь день на меня, как-то по-особенному. А вчера нашел я у себя в столе рабочем вот это, – с этими словами вытащил Иван Никифорович из дипломата сверток, а в нем лапа птичья черными нитками перемотанная и воском залитая. – Вот взгляните! Колдовство ведь? Порчу он у Маринки на меня заказал – гаденыш. Поможете?

– Поможем – само собой, – Мишка брезгливо лапу птичью со стола кончиком ручки сбросил. Лерка с Веркой уберут, – «Ну Маринка,.. сколько интересно она с этого лоха – партнера Ивана Никифоровича, зеленых слупила?» – подумал он.

– Порчу на вас наведенную я нейтрализую, хоть и не просто это будет сделать, честно вам признаюсь, – начал привычно разводить лоха, с «погонялом» Иван Никифорович, Мишка. – И стоить это будет пару штук гринами, но ведь партнер-то ваш на этом не уgomонится. Он ведь опять к ведьме этой побежит.

– Побежит, понятное дело, – признал очевидный факт лох-Иван Никифорович. – А нельзя ли как-то его – подлеца остановить? Я за ценой не постою. У вас ведь что сказано в рекламе, что вы «до скрежета зубовного» способны человека уgomонить, – Иван Никифорович блеснул стеклами очков.

– «Ну вот, опять скрежет подавай зубовный. Может убрать уже его из текста рекламного. Надоело выкручиваться», – подумал Мишка, а вслух сказал, по-звериному скалясь. Оскал этот он перед зеркалом часа три репетировал:

– Правильно и это могу, но жизнь человеческая она ведь бесценна и Творцом дана один раз всего, а это, сами понимаете, обязывает, к некоторым размышлениям. Очень дорого стоить это будет, – и сумму с пятью нулями назвал, чуть-чуть до шестого не добирая. Обычно это срабатывало наилучшим образом. Клиент начинал щелкать челюстью и намерения свои корректировать – в сторону понижения кровожадности. Но не в этот раз. Иван Никифорович даже не поморщился, а глаза его, за стеклами очков притаившиеся, радостью подлой налились. А тут еще Кирюха свой слоган выдал:

Михаил прав – молодец, мать твою.

– Да не проблема, вот авансик – 50% примите, а остальное по выполнению заказа. Не обессудьте. Сумма уж больно велика, а дело деликатное,– Иван Никифорович из того же дипломата нашлепал на стол необходимую сумму,– И сколько времени займет все это «действие»?– осведомился он деловито, покончив с денежными расчетами,– Мишка сидел, огорошено уставившись на пачки долларов:

– «Попал, блин! Влип! Что ж ты за лох такой необычный, при таких-то бабосах? И не пошлешь ведь уже. Слово сказано. Хоть в бега ударяйся». – За неделю управитесь, я надеюсь? Да, вот еще две штучки – это отдельно, за нейтрализацию порчи,– Иван Никифорович припошил кучу пачек на столе, парой десятков купюр рассыпью.

– Сделаю все, что возможно, не сомневайтесь, Иван Никифорович. Ну, а сроки определенные я гарантировать не могу. По-разному может ситуативность сложиться, но думаю, что не более трех недель понадобится, на нейтрализацию абсолютную вашего партнера,– ответил Мишка и Иван Никифорович недовольно скривился, не терпелось ему партнера зубами скрежетать отправить, но настаивать не стал и, попрощавшись, ушел. Положив, рядом с кучей долларов, конверт с координатами партнера по бизнесу.

Мишка в окно выглянул и открыл рот от удивления, наблюдая, как отъезжают от его салона несколько джипов черных:– «Это кто же меня осчастливил своим посещением? Что за гусь жирный?»– сел за телефон и обзвонив приятелей, впал в ступор. В его салоне только что побывал один из самых богатых людей в Регионе. Для него эта сумма, за услуги озвученная Мишкой, примерно, как для Мишки рубль или десять копеек. Доходы если сравнивать.

– «И что теперь делать?»– Мишка сидел за столом с Кирюшей на плече и этот «подлец», будто почувствовав, что хозяин в раздрае с самим собой, щелкал клювом и как треснутая грамм-пластинка скрипел: – Давай-наливай. Давай-наливай. Давай-наливай,– и так достал Мишку своим скрежетом, что впервые он не выдержал и запер Кирюху в клетке среди дня... Еще и накрыв ее чехлом, чтобы заткнулся. Кирюха возмущенно закудаhtал и попытался, просунув клюв через прутья, сбросить тряпку, но прутья не позволили носу попугайскому просунуться и Кирюха поворчав, притих. Оставив Мишку наедине со своими мыслями.

Конверт, оставленный Иваном Никифоровичем, содержал в себе несколько фотографий партнера, а также его домашние координаты. Кроме того имелась справка, в которой подробнейшим образом указывались места где бывает сей «злыдень» регулярно или время от времени.

Личность оказалась колоритнейшая и явно по отношению к Ивану Никифоровичу не являвшаяся фигурой зависимой или подчиненной. Если и партнер, то уж никак не младший. А равный, как минимум. А уж скорее, попросту – конкурент. Нефть, газ, металлы. Вот сфера интересов «партнеров». И сцепились они, очевидно, друг с другом, как два медведя в одной берлоге.

«Хомяков Семен Валерьевич»,– прочел Мишка.– «Генеральный директор СП. АОЗТ «Росгазмет». Не хило, блин. А кем же тогда ему доводится Иван Никифорович? Вот тебе и лох. Это я – лох. Развели меня по полной программе. Вряд ли этот дядечка, в очках стремных, такой дурак, каким он тут выставился. Наверняка служба безопасности собрала всю информацию обо мне. И прекрасно знал этот «лошок» куда пришел и чем занимается «Михаил Светозарный». Все рассчитал сволочь. Деньгами повязал и теперь погонять будет. Заставит заказ выполнить. Почему же он просто не нанял киллера? Видать под рукой нет надежного. Киллера нанять может и дешевле, но где его взять, да еще и надежного? Проще использовать такого как я, узнав про делишки, которыми он промышляет. А вот гонорар полностью выплачивать вряд ли ему собирается, прикинувшийся лохом дядечка. Кто я, и кто он? Скомандует, и свернут шею прямо вот за этим столом. Мявкнуть не успею. Странно, что Иван Никифорович придурился до самого конца, так и ушел в образе дурачка доверчивого. Хитер гад. Понимает, что

сам я додумаюсь до всего. И голову можно дать на отсечение, что если попытаться дернуться в сторону вокзала, например, с чемоданами, то тогда-то и прижмут его, как коту нашкодившего. А пока обложили наверняка так плотно, что и муха хрен пролетит мимо незамеченной. И вернуть аванс тоже не позволят. А используя, наверняка, в расход опять же спишут. Вот тогда и аванс вернут заодно. Куда не кинь – всюду клин. Попал, как кур в ошип», -

Мишка убрал с глаз пачки долларов, проверив на выбор несколько штук. Купюры оказались настоящими и не помеченными. Здесь подвоха не было: – «Понимает сволочь, что со мной по моим правилам в самом начале играть нужно. Максимум достоверности и реализма, чтобы заманить лоха в мышеловку с сыром бесплатным. И ведь получилось у него. Влетел я в нее, как пацан сопливый. Вот – гад. И координат своих не оставил, зубы заговоров. Тоже не просто так. Чтобы подергался. Жадность и страх чтобы погрызли. Ну, номерок телефонный, конечно, изловчившись и денег не пожалев, достать можно и что? Позвонить и сказать, что отказывается чародейничать? В лучшем случае за такое он лишится своего бизнеса, к которому привык, ну а в худшем? Все что угодно. Слишком много уже знает он. Значит – зачистят полюбому. Тут и «Михаилом Светозарным» быть не нужно. Достаточно подойти к зеркалу, взглянуть и прочитать на лбу надпись – «ТРУП», -

Мишка созвонился с Рукой и «забив стрелку», бросил на Лерку и Верку салон, распорядившись Кирюху выпустить, а клиентов гнать вежливо в шею:

– Девочки, у меня срочное дело и я на вас рассчитываю. Приберите здесь все. Буду к концу дня. Если зайдет Федор Леонидович – Академик, угостите чаем и пусть сидит, сколько захочет с Кирюшей. Приема сегодня не будет, – Лерка с Веркой хлопали ресницами.

Слежку заметил Мишка сразу, как только вырулил со двора. Особенно и не скрываясь, к нему прицепилась бежевая девятка, а на следующем перекрестке еще и Тайота вишневая повисла. Перли следом, чуть ли в бампер не стучась. Похоже, что демонстрировали специально присутствие.

Наверняка уже маячками обвешали джип и в салон жуков насовали, так что могли бы вообще не светиться. Однако светятся и это худший из вариантов. Давят.

Рука ждал его, как и договорились – на набережной. У ног его вертелась шавка непонятной породы. Рука гордо держал поводок и сюсюкал над своим питомцем.

– Леопольдик, дай лапу дяде Мише. Это Леопольд. Стоит бабла, как тачка. Купил по случаю. Австрийский короткошерстный Пинчер-Ландсир. Редкая порода, – Рука потрепал Леопольда за ухом.

Мишке, ничего не понимающему в собачьих породах, псина эта показалась обычной дворнягой. Особенно хвост крючком на эту мысль наводил и он сто раз бы подумал, прежде чем выплачивать за эту образину деньги, как за автомобиль. «Напарил», похоже, кто то «чистодела». А тот, увидев сомнение в его глазах, принялся уверять, что порода на сто процентов та и что документы имеются подтверждающие, и не липовые, а настоящие. И что он уже в клубе собаководческом у кинологов зарегистрировался.

– Ну, ладно, убедил. Пусть будет Ландсир. Давай лапу, Лео. Будем корешами, – пес лапу дал и хвостом вильнув, Мишку склонившегося к нему, в лицо лизнул. – Ну, вот и закорешились. Извини, Лео, у меня к твоему хозяину разговор есть срочный.

– Выкладывай, чего дернул? Опять кому-то приколоться захотелось? Парни готовы. Им нравится такая работа. Особенно последний заказ до сих пор вспоминают. Это каким идиотом нужно быть, чтобы заказать врагу три арбуза на бошку в течение одного дня и все случайные как бы. Ну, когда первый с подоконника упал, то это еще не так прикольно было. Башня у мужика крепкой оказалась. А вот когда третий арбуз на его бошку рухнул... Хо-хо-хо, – оживился Рука.

– Нет, не приколы сегодня мне нужны. Мне информация нужна – конфиденциальная.

– Какая, какая? На феню переведи. Я не понял. Где ты слов этих нахватался?– Рука осуждающе уставился на Мишку.– Жук, я тебя не узнаю, век воли не видать. Приличный пацан, а елозишь фуфлом по ушам.

Заныканная от моргал. Если по фене. Чел у меня один прорезался мутный. Заказ со «скрежетом зубовным» сунул, а я попался и теперь отмазаться хочу, вчистую соскочить. На хрен мне мокруха нужна?–

Мишка достал из кармана фото партнера Ивана Никифоровича.– Я звонил тебе уже насчет одного кренделя. Так вот он и замутил тему эту. Полное разводилово. Подстава. А вот заказанный – Хомяков Семен Валерьевич. Генеральный директор фирмы. Хотелось бы узнать кто, что, чем дышит? Места тусовок обозначены. Вот места выпаса и лежбищ постоянных. Пробить бы подробнее по обоим рожам. Что за типы. Поподробнее. Понимаешь? Я бы и к «папе» зашел в гости ежели что, да отрывать по пустякам не хочу,– Мишка вздохнул: – Поздно я его просек суку. Видать готовились и заранее все просчитали. Думал, пугну его цифирью, он и засохнет. А он... Короче, Рука, плачу по тройному тарифу. Бизнес мой потому что, может медным тазом накрыться, как бы бегать не пришлось и на дно ложиться, на долго. А не хочется сейчас. Только ведь раскрутился. Нормальные бабки пошли и без хлопот особых. Этот фраер про Маринку-Провидицу лязгал что-то, типа, что к ней его подельник – вот это рыло, – Мишка ткнул в фото,– обращался за услугами. Может и не свистел. Хотя я уже во всем сомневаюсь. Но то, что вот этот крендель точно существует и именно вот с этими ФИО – это точно. Ну, как?

– Да-а-а. Круто, однако, кто-то горбатого лепит. Я не обещаю ничего, но по своим каналам пробую. Это вон те две телеги – не тебя ли выпасают?– Рука скосил глаза влево на припарковавшиеся метрах в двадцати от них машины слежения.

– Ну, глаз у тебя... – мрачно кивнул Мишка.

– Старого каторжанина хрен на баланде пустой разведешь. Да они особенно и не прячутся. Давить видать на пузырь, команду получили от начальничков. Попал ты, Жук. Не позавидуешь. Сплошное мочилово может получиться и ты в самом центре замеса... При любом раскладе. Как-бы не пришлось Папу подключать, в самом деле. Ох, не нравятся мне эти пляски.

– Не нагнетай. И так тошно. И еще... Ребята эти, похоже, обвешали меня всякими современными электронными цацками, может и сейчас пишут. Есть, говорят, и такие прикамбасы. Со стекла снимают звук и на расстоянии запросто. Понимаешь? Когда что-то надываешь, звякни, но по трубе ничего не базарь по теме. Пересечемся опять где-нибудь. Время пока есть. Думаю, что первую неделю они трогать меня не будут. Подождут, понаблюдают.

– Заметано, Жук. Денька два мне потребуется. Звякну. Разбежались?– Рука закурил и, выпустив дым в сторону наблюдающих за ними мужчин в авто, приветственно помахал им рукой.

– Давай. Жду. А вот клешней ты зря им машешь,– поморщился Мишка.– Пока, Лео,– Леопольд радостно завилял хвостом.

– Быстро ты с ним закорешился,– удивился Рука.– А вообще-то он не особенно спешит в стаю принимать всех подряд. Чутье у него на двуногих тварей. Может у сволоты и запах сволочной? А, Жук, как думаешь?

– Понятно – сволочной. А какой же еще? Просто у собак нюх лучше. Ну, пока, держи краба. Все ушел. Жду,– Мишка пожал протянутую ему руку приятеля и, вздохнув, подумал: «Когда не знаешь что делать – прыгай. Бл-и-и-и-н!»

В салоне его дожидался Федор Леонидович с Кирюшей на плече, а не состоявшиеся путаны доложили, что во время его отсутствия никаких происшествий не случилось – за исключением того, что заходили телефонисты в количестве двух мужланов и потребовали предъявить счета на оплату их услуг. Потом проверку профилактическую проводки сделали и ушли: «Обкладывают сволочи. Совсем за придурка держат. Козлы. Ну, что ж, посмотрим, что там дальше будет».– думал Мишка, слушая трескотню девочек-уборщиц и озабоченно хмурясь.

– Минут двадцать назад ушли – хамы. Михаил Петрович, можно мы сегодня пораньше уйдем, раз все равно салон не работает? Или как?– Вера, наиболее активная из двух «соратниц» по салону заискивающе улыбнулась, продемонстрировав перламутровые зубки.

– Идите. До завтра,– разрешил Мишка и поприветствовал Федора Леонидовича.

– Как самочувствие, Федор Леонидович?– Мишка пожал протянутую стариком руку.

– Да я то, Слава Богу. А вот у вас, вижу, неприятности по работе или что-то в личной жизни не заладилось?– Академик присел обратно в кресло. Кирюха, сидящий у него на плече, скрежетнул: – Кирюша хороший.

– Да хороший, хороший. Кирюха, извини, погорячился. Я его сегодня в клетке днем запер, Федор Леонидович, вот он и качает права. А дела? Да нормально все. Так – мелкие неурядицы. Вы давно здесь? Девчонки хоть чайку вам предложили?

– Да, спасибо, Михаил Петрович. Предложили. Я думал, что уже и не дождусь вас. Уходить собирался. А тут еще эти два молодых человека проводку проверять стали и совсем неуместным себя почувствовал. Вижу, что мешаю,– Федор Леонидович сконфуженно замолчал.

– Они что же, вас выйти из помещения попросили, когда проводку проверяли?

– Нет, но я же чувствую, что мешаю своим присутствием людям. И им неловко, и мне не по себе. Странные молодые люди. Не похожи на телефонистов. С такими габаритами в гвардии самое место.

– Ну-у, Федор Леонидович, гвардии нынче нет. Вот и идут люди с габаритами в телефонисты,– Мишка подмигнул Академику.– Давайте мы с вами еще по чайку вдарим. Я по пути таких пряников купил, пальчики оближете. С начинкой малиновой.

– Ну, что ж, не откажусь,– улыбнулся в ответ Академик.

За чаем беседовали на отвлеченные темы. Говорил в основном Федор Леонидович. Ему, видимо, необходим был слушатель и в лице Мишки он обрел такового:

– Я ведь, Михаил Петрович, один сейчас живу. Дочь замуж за военного вышла и уехала с ним, с лейтенантиком тогда еще. Теперь-то он уже в чинах. Генеральские звезды. В Москве живут. А вот детишек не завели и без внучат меня оставили. Что там у них? Какие причины? Звонит, конечно, регулярно и заезжают пару раз в год... А здесь у меня еще племянница есть, но она тоже и семьей обременена и возраст у нее уже пенсионный, так что навещает не часто. И детишек ей тоже Бог не дал. Может быть, проклятье какое-то на роду нашем?

– Как же вы живете? А уборка, стирка? Покушать, опять же, приготовить... Неужто сами все?– Мишка, впервые услышавший о бытовых условиях жизни старика, удивился.

– Домработница приходящая есть – Екатерина Тимофеевна. Душевная женщина. Когда супруга моя – Марфуша еще жива была, но уже недомогала, мы ее пригласили. Знакомые порекомендовали. Тогда, с академического-то жалованья, я вполне себе мог это позволить. Ну, а когда Марфуши не стало... Екатерина Тимофеевна осталась уже меня старика обихаживать. Я уж и оплату достойную ей предложить не могу, а она из человеколюбия продолжает за мной присматривать. Приходит дважды в неделю. Обстирает, уберется и сварит на три дня что-нибудь. Чаше-то она тоже не может. Свое семейство есть. Что-то я сегодня разнужился. Хорошо все. Слава Богу. Вот только в последнее время сосед по площадке стал донимать. Знаете, из новых он, из «скоробогатых». Поселился недавно в нашем доме. Купил квартиру и въехал. Только маловата она ему... Вот и взбрело ему в голову, что если ее объединить с моей, то будет в самый раз. И теперь не дает проходу. Золотые горы сулит. Перевезти обещает за свой кошт и квартиру со всеми удобствами в новом районе предлагает. Доводов моих не слышит. Я ведь родился в этой квартире. Детство и отрочество в ней прошло. Да и молодость. Тюрьма, война – конечно, вырывали на время. Вся жизнь моя в этой квартире. Каждый гвоздок – память. Вот умру – тогда пусть с дочкой договаривается. Так ему и объяснил. Но ведь не слышит. Все уговаривает и даже дерзить начал. Вот не далее как вчера «пеньком замшелым»

назвал. Я конечно пенек уже замшелый, но ведь есть и какие-то приличия, в конце концов. Я ведь его «скотом тупоголовым» не называю, хоть и очень хочется, поверьте мне на слово, Михаил Петрович. Скотина преизряднейшая,

– Академик вздохнул печально. – Студенты мои бывшие, заходят навестить, но у них ведь жизнь наполнена своими заботами, так что я не в претензии. Скучно им со мной стариком. Вижу, что тяготятся, на часы поглядывают. Коллеги бывшие тоже не забывают. И звонят, и заходят. Вот так и живу.

– Что же вы мне про соседа раньше-то не сказали? Я бы этот вопрос урегулировал.

– Так, а что же говорить? Он, до вчерашнего дня, вел себя вполне прилично. Не хамил и музыку громко после 23-х часов не включает. Не нравится он мне, эта настойчивость его? Да, но ведь это не основание, чтобы жаловаться на него. Не так ли? А квартиру мою хочет купить, так и это не противозаконно. Хочет и хочет. Его личное дело. Хамить, вот теперь, начал, так это, конечно же, от недостатка воспитанности. От неудовлетворенности желаний. Он хочет, а я ему препятствую. Вот и серчает. Он ведь, как амеба прозрачен и понятен. Впрочем, амеба не столь проста, как кажется. Вот и он – так же не прост.

– Я вас сегодня подвезу и побеседую с этим «скоробогатеем», попробую в чувство привести борзоту, – Мишка нахмурился. – Уж со скотами-то я получше вашего разговаривать научился. Вращаюсь в основном среди таких.

– Что вы, что вы, Михаил Петрович. Ни к чему беспокоиться. Оставьте это, полноте. Он ведь проходу мне не даст потом. По поговорке простонародной – «Не трож дерьмо – вонять не будет». Пусть его, – замахал протестующе реками Федор Леонидович.

– Обязательно поговорю с хамом. Знаю я эту категорию людишек. Не успокоится он. Увидит, что хамство его ему спускаете и никто не заступает за вас, оборзет еще пуще. И музыку будет включать, и стекла в окнах на зиму глядя, пацанов отморозенных наймет перебить. В могилу чтобы загнать поскорее и квартиру потом прибрать, у дочки вашей.

– Вот этот вариант, развития наших с ним отношений, я не рассматривал. А ведь вполне может оказаться, что правы вы, голубчик. Ну, что ж, переговорите. Втолкуйте ему, что недолго мне осталось. Уйду скоро к Марфуше. Пусть потерпит уж, – Федор Леонидович опять вздохнул печально.

– А что если я соседу вашему, вашим внуком представлюсь? Ну, двоюродным там или троюродным и дам ему понять, что квартиру вашу продавать не намерян. А намерян, поселиться в ней со временем. Чтобы он слюной жабьей подавился. А дочь вашу я уговорю не продавать ему квартиру и сколько нужно, ей заплачу. Я и сейчас готов это сделать, если хотите. Живите хоть 200-и лет еще там, – предложил Мишка.

– Спасибо, голубчик. Если Алена согласится, то я не вижу других препятствий. А без ее слова я не могу распорядиться квартирой. Она ведь тоже в ней родилась. И детство ее тоже в ней прошло. Я ведь ее школьные тетрадки все до сих пор храню. Пусть она решает, – согласился Федор Леонидович.

– Договорились. Она давно ли вас навещала последний раз?

– Давненько не была. Звонит очень часто, но вот в это лето, что-то со здоровьем у нее не заладилось. Она ведь сердечница. Инсульт один уже был. Переживаю я за нее. Сегодня же созвонюсь. Раньше-то мы с ней ежедневно по телефону общались. А вот, как Марфуша ушла... Реже стали общаться. Больно обоим... Очень Алена привязана к матери была. Больше чем ко мне... Я ведь в университете с утра до ночи. Сами понимаете,

– Федор Леонидович помрачнел и сделал вид, что пьет чай, чтобы спрятать заблестевшие слезами глаза.

Глава 4

В этот вечер Мишке впервые довелось побывать в квартире Академика. Вообще-то он частенько его подвозил, но вот как-то зайти в гости не удосужился ни разу. Думал, что там домочадцев видимо – не видимо и все заносчивые, да высокомерные, вот и отказывался от приглашений. А оказывается – старик-то одинок. А ведь впервые пожаловался на одиночество:

– «Сколько уже Кирюха у меня? Месяца три. Вот ведь железный дед. О попугае думает больше, чем о себе самом».-

Дом, в котором проживал Академик, фасадом смотрел на набережную и все стены его были увешаны мемориальными досками. Академики, профессора. Дом, очевидно, когда-то принадлежал Университету, вот и накопилось досок. И вот в таком доме появился «новый русский».

– «Кичится, поди, перед своими дружками»,– неприязненно подумал Мишка, помогая Федору Леонидовичу подниматься по широким ступеням лестницы. Дом был пятиэтажный, а квартира Академика находилась на третьем.

– И как зовут вашего соседа, Федор Леонидович?– Мишка запер за собой дверь и жестом остановил Академика, ищущего для него шлепанцы.– Я сначала переговорю с вашим соседом, пока еще не поздно. Вдруг он почивать рано укладывается,– Федор Леонидович рассмеялся:

– Ну, что вы, они часов до 2-х ночи с супругой бранятся. Стены хоть и толстенные, но очень уж они громогласно отношения выясняют. А зовут его Никитой Сергеевичем, как Хрущева. Вы-то вряд ли сего деятеля уже застали, а мне довелось лично общаться.

– Да вы что? Застать-то я его, конечно, не застал, но слышать-то слышал. С самого детства, в анекдотах. А потом его по телеку стали частенько поминать. Оттепель там ... Кризис карибский... Ботинком в ООН еще стучал и про Кузькину мать орал. А Сталина вам видеть не довелось часом, Федор Леонидович?

– Нет. Вот с Иосифом Виссарионовичем увидаться не довелось. Я ведь когда из армии демобилизовался, то учиться в университет поступил. И было мне тогда-22– а года всего. Вот как вам сейчас примерно. Ну, а через 8-м лет Сталин умер, и было мне тогда – 30-ть. Аспирантом был. Избавил Господь, от чести такой сомнительной.

– Давайте, Федор Леонидович, я все же отлучусь к соседу вашему. Перебазарю с ним за жизнь, как блатные говорят. Перетру тему. А потом мы с вами, если не возражаете, часок посидим,-

Мишка вышел на лестничную площадку и нажал на клавишу соседского звонка. Дверь была новодел, но выполненная под старину. Звук из-за нее не проникал и Мишка уже начал сомневаться, а есть ли вообще кто-то сегодня дома у соседей, когда она вдруг распахнулась абсолютно беззвучно и, на пороге соседской квартиры он увидел молодую и довольно мило-видную женщину лет 30-ти.

– Ну, что трезвонишь, как на пожар? Что случилось-то?– уставилась она с досадой на Мишку:

– «Оторвал, похоже, от чего-то важного хозяйку квартиры. Или ждала кого-то другого, а открыв, увидела меня, вот и не довольна»,– предположил Мишка.

– Мне бы Никиту Сергеевича. Здравствуйте,– Мишка с любопытством рассматривал соседку. А та фыркнула и, повернувшись, ушла в глубину квартиры, даже и не подумав прикрыть дверь или пригласить гостя пройти.

– Никита, это к тебе какой-то парниша, оторви задницу от дивана,– крикнула она: – «Да, нравы здесь, я смотрю, простые. Рабоче-крестьянские. Идиоты не пуганные»,– успел подумать Мишка, заходя в прихожую и прикрывая за собой дверь.

– Кого там еще принесло?– услышал он недовольный мужской голос и в прихожей появился хозяин.

– «Колобок»,– сразу окрестил его мысленно Мишка.

В отличие от персонажа русской народной сказки этот был с руками и ногами, но по округлости фигуры мог, пожалуй, поспорить со сказочным. Сходство добавляло и отсутствие растительности на голове «Колобка». Голова была выбрита до зеркального блеска и наверняка в солнечную погоду, способна была пускать солнечные зайчики. Идеальной, шарообразной формы, и нос с ушами выглядели на ней, как что-то лишнее, не обязательное и даже кощунственное. Ну, а весил этот «Колобок» никак не меньше центнера, при росте в метр пятьдесят.

–«Бывают же феномены»,– подумал Мишка, рассматривая соседа Академика. Одет был «Колобок» в спортивные треники и майку с надписью «Adidas». На шее, как и положено, по нынешнему этикету «аристократии помойки», висела цепура из дутого золота. «Колобок» что-то жевал. Видимо от трапезы оторвали бедолагу, и по этой причине лицо его выражало крайнюю степень раздраженности, едва сдерживаемую, но готовую выплеснуться немедленно.

– И чево надо? От кого?– «Колобок» смерил Мишку с ног до головы, пренебрежительным взглядом.

– Здраваться надо, жиртрест,– решил сразу поставить хама на место Мишка и, не давая опомниться «Колобку», продолжил: – Что били мало в детстве? И хлеборезку захлопни, сквозит.

– Ты кто?– растерялся «Колобок» и он же по совместительству полный тезка Хрущева.

– Хрен в пальто! Внук я соседа твоего, Никита Сергеевич,– Мишка оскалился в улыбке вампира.– Жалуется он на тебя, козлину. Говорит, проходу не даешь, потрох сучий. Вот я и зашел перетереть на эту тему. Меня Михаилом звать. А кореша Жуком называют. Может, слышал? Вижу, что не слышал. Жаль. Не повезло тебе, барыга.

– А, а я что? Я ничего. Я только хотел квартиру выкупить у Леонидыча. По-доброму. Ему куда одному такая?– начал оправдываться «Колобок», сразу почувствовавший, что парень из «имеющих право» и превратившись в «тварь дрожащую».

– Засохни. Еще раз услышу про твои художества, пузырь,– по асфальту размажу. Где попало гадить будешь, дерьмо собачье. Под кем ходишь? «Крыша» спрашиваю кто? Я так и думал. Можешь у них обо мне справки навести. Разрешаю. И учти, сволота, что повезло тебе сегодня сказочно. Настроение у меня не живодерское. Уяснил?– «Колобок» закивал круглой головой.

– И стерву свою приучи здороваться. Ты ее что – на помойке нашел?– за спиной «Колобка» мелькнула, перекошенная страхом женская физиономия, с волосами, закрученными в огромные бигуди:

– «Так вот от какого занятия важного я ее оторвал. Быстро, однако, она их наvertsела. Пяти минут не прошло»,– Мишка повернулся и уже на выходе, открывая дверь, бросил через плечо:

– Смотри «Колобок»,– и видать, угадал, творческий псевдоним соседа Академика сто-процентно, дернувшегося рефлексорно.– Узнаю! Придушу! Пока.

Федор Леонидович открыл дверь немедленно, похоже, что дожидался в прихожей.

– Ну что? Переговорили?

– Да, обещал больше не беспокоить и очень извинялся. Вы мне звоните, если что. Не стесняйтесь, Федор Леонидович. Приеду и поставлю хама на место.

– Спасибо, Михаил Петрович. Непременно обращусь. Проходите в квартиру. Что это мы в прихожей топчемся? Разувайтесь и проходите. Вот тапочки. Прошу,– искренне обрадовался Академик и засуетился, делая приглашающий жест.

Квартира Академика ничем, кроме своих размеров, Мишку не потрясла. Старая мебель, а все стены в книжных стеллажах. Не квартира, а библиотека. Столько книг, сразу в одном месте, да еще в квартире – Мишка видел впервые. Даже головой завертел растерянно.

– Да, да. Еще дед мой собирать начал библиотеку, потом отец продолжил. Ну, и я – по мере сил своих, – Федор Леонидович взял Мишку под локоток. – Вы проходите, проходите. Присаживайтесь к столу. Я сейчас чайничек принесу и почаевничаем. Не все же мне вас объедать.

– Да ну что вы, Федор Леонидович, какая еда? Извините за вопрос глупый, вы что, все вот эти книги прочитали?

– Прочел. Грешен, молодой человек. Каюсь, – улыбнулся тот в ответ, а Мишке вдруг стало жутко неловко и стыдно: – «Каким дебилом, наверное, я ему кажусь, вон лоб какой. И такой человек снисходит до разговора со мной. Да я и сотой части не знаю из того, что знает он. А что знаю я такого, чего он не знает? О чем ему вообще со мной разговаривать? Языков, поди, иностранных знает с десятков. Академик и троечник... Нарочно не придумаешь», – а Академик тем временем расставил чашки и налил в них заварку и кипяток:

– Да Вы присаживайтесь, почувствуйте себя, как дома, Михаил Петрович. Что-то я Вас узнавать перестал. Оробели, как барышня на первом свидании, – Мишка присел на стул с вычурно выгнутой спинкой из прутьев: – «Венские, кажется, называются», – подумал он, а вслух произнес:

– Извините, Федор Леонидович. Я себя на минуту двоечником, не выучившим уроки, почувствовал. Книги, наверное, в таком количестве, подействовали.

– Что вы все извиняетесь? Двоечником почувствовали? Это замечательно!

– Да, чего же замечательного? Я вот подумал. Если все книги, которые я прочитал перечислить, то, наверное, на руках пальцев хватит для этого. И половина из них – школьные. Из программы школьной, то есть. Какой же я серый, наверное, в ваших глазах, Федор Леонидович?

– Не серый, а молодой. И потом, у вас еще все впереди. Долгая жизнь. И прочесть еще успеете не меньше моего. Вы, думаете, я в детстве и юности книголюбом записным был? Вот уж нет. Лодырем был изрядным. Мечтал футболистом стать или полярником. А меня заставляли книги читать. Ох, как я сопротивлялся. Деда своего изводил, ну и отца тоже. Дед-профессор, отец-доцент, а сын – оболтус. И вот, что я им доказать хотел? Умнейшим, интеллигентнейшим людям? Может быть, драть ремнем нужно лодырей, как вы думаете, Михаил Петрович? Ввести в школах розги, как в старину? Шучу, конечно. Розгами уже поздно махать. Времена изменились.

– У меня отец, чуть что, за ремень хватался. Ему главное было, чтобы никто ему в глаза не тыкал, мной – разгильдяем, – Мишка взял в руку фарфоровую чашку с чаем и, отхлебнув из неё, продолжил:

– И я быстренько это просек. Важно не какой ты на самом деле, а каким людям хочется, чтобы ты был. Нужно не быть, а выглядеть. Вот я и выглядел. В школе тройбаны учителя ставили, чтобы процент успеваемости нормально выглядел, ну и двойки тоже иногда ставили. Так я, чтобы скандалов домашних избежать, из-за этих двоек /ремня отцовского/ дневник парадный завел для отца с пятерками. В нем он с удовольствием расписывался. А я, чтобы учителя не привязывались, натренировался его закорючку ставить в рабочий – «грязный» дневник. Ну, само собой и за учителей научился автографы ставить. Прямо талант, от страха видать, появился.

– Долго ли продержаться удалось? – заинтересовался Академик.

– Года два. В пятом классе мне эта идея в голову пришла, а в седьмом попался. Скандал бы-ы-ыл.

– Долго. Два года это срок. Я через полгода влип,– Академик рассыпался старческим смешком: – Ох-хе-хе. И смех, и грех. У нас, правда, дневников не было, а была тетрадь прилежания. Вот в нее и записывала классная дама свои критические замечания. И прочие педагоги не стеснялись. Так я, чтобы деда с отцом от чтения сих кляуз избавить, тоже завел тетрадь «парадную». Через полгода был уличен, и гонениям подвергнут всяческим, со всех сторон. Так что, молодой человек, все новое – хорошо забытое старое. Но два года – это, я вам скажу, впечатляет. Снимаю шляпу.

– Да что вы, Федор Леонидович. Какое там впечатляет? Отец мне так всыпал ремнем своим офицерским, что до сих пор, как вспомню, так чешется.

– И что потом? Учиться стали прилежнее?

– Какой там прилежнее. Досидел на тройках до аттестата. Учителя двойки почти ставить перестали, а отец перестал лупить за двойки, изредка проскакивающие. А я понял из всей этой истории, что бьют не за то, что жульничаешь – а за то, что попадаешься.

– Ну да, есть такая поговорка в русском языке, только про вора. Бьют его, дескать, не за то, что украл, а за то, что попался. За непрофессионализм. За низкую квалификацию. И вы, сделав столь замечательный вывод, решили повышать квалификацию жульническую?

– Да. Что лучше всего в жизни получается, то и принялся улучшать. Шлифовать, как говорится.

– И как? Больших ли успехов на сем поприще достигли?– Академик лукаво улыбнулся.

– Да как вам сказать? Вот, живу этим. «Развожу лохов на бабки», как у нас говорят.

– Читал я вашу рекламную словоблудень. Броско составлена. А народ во все времена был падок на такое. Не жаль простаков? Лохов, как вы их называете?

– Нет, Федор Леонидович, не жаль. Ко мне ведь трудяги обездоленные и нищие не приходят. Все больше вот такие, вроде вашего соседа, норовят заглянуть. И я им даю то, что просят. У меня ведь все солидно поставлено.

– Хорошо. А вот там есть такие посулы, как «скрежет зубовный». Тоже выполняете? Это ведь душегубством пахнет.

– Нет. Вот этого не было никогда. Уклонялся. Оплату за пределами высокой назначал и сами отказывались. Жаба душила,– Мишка тяжело вздохнул: – А вот сегодня, клиент возьми, да и согласись. Теперь не знаю, как и быть. Он ведь меня на слове поймал и аванс немедленно выложил. А сумму-то я ему назвал такую, что просто... Отвечать придется головой за невыполнение заказа. И знаю я теперь то, что знать не должен. А за это вилы. Ну... бошку оторвут по любому. В общем – влип. Выполнишь заказ – уберут, и не выполнишь – тоже уберут. Времени, правда, три недели, на все про все, отпущено, но обложили уже так плотно, что дышать невозможно. А ведь это только первый день. Вот сегодня при вас телефонисты с проверкой приходили. Никакие это не телефонисты. Электронику ставили. Наверняка и в телефоне клоп и еще пару тройку по всем помещениям насовали. Нынче эти шпионские приамбасы купить проще, чем буханку хлеба. Я месяц назад звонил на телефонную станцию, просил мастера прислать, чтобы параллельный телефон установить. Так мне по телефону сказали, что нужно прийти и записаться у дежурного. Заявку они рассмотрят и в рабочем порядке решат, есть такая возможность по их нормам ставить у нас, что-либо или кубатура помещения не позволяет. Пришлось идти, мастера ловить и на лапу ему совать. Быстро сделал и без проволочек. А эти сами пришли, все проверили. Полы вымыть не предлагали?– Мишка опять вздохнул.

– Так, так, так. Вот и я вам говорил давеча, что не похожи они на телефонистов. А вы отшутились. Теперь понимаю почему. Слушают, значит?

– Да еще как. И следят. Вот мы с Вами тут чай пьем, а людишки этого Ивана Никифоровича в двух авто меня караулят. Чтобы не соскочил. Выяснил я по своим каналам, что это за человек. Теперь партнера его пробиваю. Он ведь партнера своего по бизнесу в «скрежет зубовный» заказал отправить,– Мишка вынул из кармана конверт с фотографиями и координатами.

– Взгляните, Федор Леонидович, на этого нувориша. Их олигархами газетчики окрестили. Бабла нарубил уже миллиардов несколько в свободно-конвертируемой валюте,– Мишка вынул фото из конверта.– Каков красавец? –Академик, взяв в руку протянутый снимок, внимательно стал вглядываться в лицо изображенного на нем человека:

– Знакомое лицо. Я определенно видел этого человека где-то ранее,– пробормотал он неуверенно.

– Да и не удивительно. По телеку, наверное, мелькает. Я, правда, не любитель ящика, но уверен, что мелькает он в нем наверняка. Такие любят быть на виду. Наверное, там и видели,– Академик оторвал взгляд от фотокарточки:

– А вы знаете, я ведь тоже не фанат телевидения. И включаю-то изредка. А уж всякие шоу нынешние и вовсе на них не переносу. Ужасная пошлятина, низкопробная и отвратительно изготовленная. Рвотные рефлексy начинают активироваться на второй минуте просмотра. А вот этого человека я видел и не по телевизору. У меня абсолютная память на лица. Может быть –это было давно и лицо несколько переменялось за это время у него, поэтому и не могу узнать. Но я определенно его знаю. И вспомню. Теперь пока не вспомню, не успокоюсь. Может из студентов моих? А лицо сильного человека. Решительное, волевое. Взгляд уверенный. Этот человек знает себе цену и сумеет за себя постоять. Не просто его «в скрежет зубовный» отправить будет. Он сам кого хочешь загрызет. Тигр Уссурийский. Олигарх говорите? Да-а-а... Этот может. Где же я видел его? Как его зовут? Вот ведь – «пенек замшелый» прав сосед, хоть и хам. Ох, старость – не радость,– улыбнулся виновато Академик.

– Да это я виноват. Сунул вам фотографию, а имя не назвал. Вот, пожалуйста – Хомяков Семен Валерьевич. Генеральный директор СП АОЗТ «Росгазмет». Контора крутая. Сейчас его по моей просьбе «пробивают» и завтра-послезавтра я буду знать о нем все, что только возможно. Если у него есть любимая собака или кошка, то буду знать их клички,– Мишка попытался произнести сказанные слова голосом спокойным и даже молодцеватым, но невольно скривился и голос его прозвучал с нотками тревоги.

– Ах, вот кто это,– Академик задумчиво потер подбородок.– А ведь не ошибся я. Не подвела память все же. Хомяков. Ну да... Семен Валерьевич. Он самый. Постарел. Он ведь преподавал у нас в университете. На другом факультете, правда, и пересекались мы с ним не часто. Но раскланивались при встрече. На биолого-почвенном, если память не изменяет, и спецификация у него была – механика жидкости, газа и плазмы. Большие надежды подавал, но вот лет десять назад взял да и ушел. История там какая-то, не совсем совпадающая с нормами общественной морали тогдашними, произошла. Роман со студенткой, кажется. А он женат был. Вот и заели парня в деканате. Ушел, правда, тихо, без скандала. И вот куда таланты свои решил применить. Ну, что же, специфика его и не удивительно, что добился успеха. Нефтью и газом, говорите, занимается? Лет тридцать пять ему тогда было. Значит сейчас уже сорок пять. Неплохую карьеру сделал для своего возраста. И ведь умница – несомненно. И его списать «в скрежет зубовный» приговорили, да еще и кто– то из ближнего окружения? Как клиента вашего, Михаил Петрович, кличут?

– Иваном Никифоровичем назвался. Фамилию не назвал свою, и пришлось его тоже пробивать по своим каналам. Личностью оказался известной в криминальных кругах. В этом же «Росгазмет» заправляет, но рангом пожиже – нежели Хомяков. Директор там какой-то по коммерции или маркетингу. А фамилия обычная – Васильев. Фотографией, к сожалению, не располагаю, так что не берусь утверждать, что сам лично удостоил меня своим посещением. Хотя на трех джипарях заявился, но вполне может быть, что подставляют. Темнилово – это дело обычное, когда хвосты рубят,– Мишка опять поморщился.

– Вы, я вижу, разбираетесь, Михаил Петрович, в особенностях взаимоотношений и способностями аналитика не обделены. Грех вам жаловаться на серость свою. Потенциал в вас заложен природой преогромнейший. Развивайтесь, не зарывайте талант в землю,

– Федор Леонидович озадаченно нахмурил брови. – Не припоминаю, к сожалению, такого сочетания имени, отчества и фамилии. Не знаком и может быть к счастью. С ваших слов – шельма ведь первостатейная – этот Васильев Иван Никифорович. Я вот что подумал, Михаил Петрович. По моему мнению, есть только один способ, который позволит разрешить вашу проблему. Вам нужно встретиться с Хомяковым Семеном Валерьевичем. И с ним вместе эту проблему решить. Ну, а я со своей стороны, попробую посодействовать в этом. Обзвоню коллег бывших, порасспрашиваю. С кем-то ведь из них был более близок, чем со мной Семен Валерьевич. Я припоминаю, что пару лет назад из университета и именно с биолого-почвенного факультета, внезапно ушло несколько ведущих преподавателей. Руководство было обеспокоено. Не два человека, а несколько. И лучшие. Не к Семену ли Валерьевичу подались? Я надеюсь, что ваши опекуны, пока не слушают мой телефон.

– Думаю, что нет. Для этого им нужно проникнуть к вам в квартиру. Думаю, что вас они пока не слушают.

– Вот и славно. Завтра я вам позвоню и если что-то узнаю, то попрошу съездить для меня в аптеку, за лекарствами. Назову что-нибудь обычное. Корвалол, валокордин. Ну, а уж если не попрошу, значит, результата положительного нет, – предложил Академик.

– Хорошо, Федор Леонидович. Жду вашего звонка, – не стал отказываться от предложенной помощи Мишка.

Возвращаясь домой и посматривая в зеркало заднего вида, наблюдая за перемещающимися следом автомобилями слежения, думал: – «Не считают нужным менять машины. Демонстрируют плотную опеку. Что ж, посмотрим, куда кривая вывезет».

На следующий день Мишка, как обычно отправился в салон и как обычно его открыл.

Лера и Вера тоже заявили, как обычно, опоздав минут на десять. Виновны они в этом никогда не были и Мишка уже давно перестал делать им замечания. Он просто увеличил продолжительность рабочего дня на один час и увеличил девчонкам соответственно оплату, ну а начало приема клиентов тоже сместил, и все даже остались довольны.

Васька-перс, как обычно, валялся прямо на рабочем, магическом столе. Увидев хозяина, прыгнул на пол и потерявшись о его ногу, неспешно отправился к своей площадке.

Кирюха защелкал клювом и проскрипел дежурное: – Давай-наливай, – Мишка налил и распахнул дверку клетки.

Васька с Кирюхой сосуществовали вполне бесконфликтно с самого первого дня. Когда здесь в салоне появился Кирюха, Васька обошел клетку с птицей, потерся об нее мордой, чихнул и перестал обращать на ее обитателя внимание. Кирюха платил ему той же монетой. Игнорировал.

Мишка опасался, что конфликты могут начаться из-за коряги дубовой. У Васьки был свой шест, обмотанный плотными витками каната, о которые он точил когти, но коряга могла оказаться для него привлекательнее. Обошлось. Ваське было лень лезть на корягу. На столе валяться удобнее.

Клиент сегодня шел не активно. За весь день всего два человека. И к концу дня Мишка истомился в ожидании телефонных звонков. Первым позвонил Академик и попросил после работы, «если его это не обременит», заехать в аптеку и купить ему корвалол, что-то нездоровилось старику. Мишка пообещал заехать в аптеку и поинтересовался, не нужно ли что-то еще.

– Нет, Михаил Петрович, больше ничего, только корвалол.

– Хорошо, буду через час, – деревянным голосом пообещал Мишка и, опустив трубку, подумал:

– «Мандраж начинается, подставлю старика, блин. И на фига? А что делать?» – задал он сам себе вечный вопрос и тяжело вздохнул. Затем позвонил Рука и предложил встретиться завтра на том же месте, что и в прошлый раз, в тоже время. Пока все шло, как надо, без сюрпризов.

Сопровождение со вчерашнего дня никуда не делось. Похоже, что эти ребята ночевали в своих машинах. Видимо менялись экипажи. Машины же опять все те же – девятка и тойота.

В бампер сегодня въехать не норовили, увеличив дистанцию и на том спасибо.

Федор Леонидович обрадовал его известием. Он вышел на бывших преподавателей с биолого-почвенного факультета и выяснил, что действительно они ушли все в «Росгазмет» и сделали там блестящие карьеры. Один из бывших «преподов» поднялся до Замгендера. А вот с ним у Федора Леонидовича были давнишние, приятельские отношения. Звали его Геннадием Всеволодовичем и Федору Леонидовичу, удалось недомолвками дать ему понять, что им нужно встретиться просто так незамедлительно. Что речь пойдет о жизни Хомякова Семена Валерьевича:

– Обещал быть всенепременно, сегодня же. Предупредил я его, что за домом ведется наблюдение. Обещал, что без помпезности появится. Геннадий Всеволодович бывал у нас в доме, и мы при жизни Марфуши даже дружили семьями. Теперь вот отделились несколько. Впущу его через черный ход. В нашей квартире есть такой. Я им давно не пользуюсь, нет надобности. Это на кухне. Геннадий Всеволодович постучится. Будем ждать его там. Если не возражаете?

– Какие возражения могут быть, Федор Леонидович? Я вам очень признателен за все, что вы делаете для меня, – ворохнулся на стуле Мишка, слушающий его приоткрыв рот.

– Полноте, – Федор Леонидович зажег газ под чайником и присев за круглый кухонный стол, спросил: – У вас, не появилась ли дополнительная информация, Михаил Петрович?

– Нет. Пока нет. Завтра встречаюсь с информатором. Что-то наверняка интересное принесет.

– Ну, что ж. Позвоните мне завтра, здоровьем поинтересуйтесь. Если скажу что плохо и из дому не мог выйти, значит заехать нужно обязательно вечером. Ну, а уж если скажу, что со здоровьем все в порядке и самочувствие бодрое – значит и появляться здесь лишней надобности нет, –

Федор Леонидович улыбнулся. – Как в фильмах о шпионах или подпольщиках. Пресловутый шкаф славянский вдруг вспомнился. А ведь в этих «шкафах» есть практический смысл. Бог с ними – с паролями, а вот какой-то условный знак подать, что, скажем, вы или я попали под абсолютный контроль и действуем по принуждению, я думаю, что нужно. Просто необходимо. Слово какое-то условное или кашель. Давайте уж слово все же. Вдруг закашляюсь на самом деле не притворно, а вы подумаете, Бог знает что, –

предложил он неожиданно для Мишки.

– Хорошо, Федор Леонидович. Давайте так, если вас принудят звонить мне, вы не называйте меня по отчеству и я пойму, что у вас неприятности, а рядом чужие уши. Ну и сколько раз по имени назовете, столько рядом человек. А если я под контролем буду находиться, то вас я буду называть «дорогой Федор Леонидович, милый Федор Леонидович». Ну – это – с прилагательными. И тоже, сколько раз их добавлю, столько значит и чужих рядом, – Мишка рассмеялся. – Точно, как шпионы.

Глава 5

В дверь черного входа постучали. Три раза, потом еще два.

– Вот и гость, – Федор Леонидович поднялся и махнул рукой вскочившему Мишке: – Я сам встречу, там щеколда легко перемещается, –

Геннадий Всеволодович оказался таким, каким его и представлял Мишка. Лет сорока, с ранними залысинами и в очках. Уж без них-то ни как. Раз педагог, хоть и бывший – значит непременно в них.

Одет был Геннадий Всеволодович не броско. Курточка темно-серая, джинсы черные и на ногах что-то спортивное и тоже темных расцветок.

Познакомились, обменявшись рукопожатиями.

– Ну что ж, Михаил Петрович, я готов вас выслушать, – «Взял быка за рога» гость, присев к столу и позвякав в чашке ложечкой. Федор Леонидович, плеснув из чайника засвистевшего кипятку и в кружку Мишкину, кивнул ему и присев также, замер. Слушал Геннадий Всеволодович, внимательно, не перебивая. Иногда саркастически хмыкая или хмурясь.

– Да-а-а, историю вы мне поведали весьма и весьма занимательную, если мягко выражаться. Прямо таки фантастическая история, Михаил Петрович, но, тем не менее, я вам верю... И в заговор против Генерального, тоже верю. В совете директоров не все одобряют ту экономическую политику, которую Семен Валерьевич осуществляет последние полгода. Он добился принятия решения о сокращении выплат дивидендов по акциям. Совет вынужден был одобрить. Объективные обстоятельства, знаете ли, заставили. Отрасль в упадке, требуются инвестиции. Многие поняли и поддержали Генерального. Есть и недовольные. Как без них? Открыто не выступают, но за спиной репликами обмениваются. Если им удастся убрать Хомякова, то первое что они сделают – продадут компанию со всеми потрохами. Желаящие есть на Западе и выложат миллиарды за их акции, которые сегодня лежат у них, не принося сверх дивидендов. Все мотивы на поверхности. Что касается личности Ивана Никифоровича Васильева. Есть такой в совете директоров, но он скорее поддерживает политику, проводимую Генеральным, нежели противодействует ей. Жаль, что нет у вас фото клиента. Боюсь, что вас – а стало быть – и нас, вводят в заблуждение. Тем более, что в настоящее время Васильев находится на Кольском полуострове. Этот регион в сфере наших интересов. И, насколько мне известно, там он уже вторую неделю а, следовательно, физически не мог вас посетить. Похоже, что подставляют Ивана Никифоровича. Очевидно, полагают, что вы не станете перепроверять клиента. Ну а даже если и установите, что это не он ваш наниматель, то тоже беда не велика. Всегда можно давить от чьего-то имени, по доверенности, так сказать. Послал и разрешил действовать от своего имени. Главное – это аванс вами полученный. Он все ваши резоны перевесит. Велика ли сумма? – тут же осведомился он и, услышав величину, даже присвистнул:

– Однако! Это на какие же деньжищи они рассчитывают, если на такие издержки идут? И так, давайте подведем итог. Что мы имеем? Имя клиента – заказчика?! Сомнительно. В темную используют Васильева, а кто реально всем заправляет, нам пока не известно. Ваши информаторы вряд ли нам помочь смогут. Соберут подробное досье на реального Васильева и что это даст? Ничего. Слежка за вами. Это тоже пустышка. Машины наверняка оформлены на подставных лиц, а водят их по доверенностям. Даже имея возможность отследить этих низовых исполнителей, упрямся, скорее всего, в какое-нибудь агентство детективное частное, работники которого и знать-то ничего не знают. Это все шестерки, как говорят в криминальном мире. Нужно брать Ивана Никифоровича Васильева-лже. Или отследить. На трех джипах появился, говорите? Вот это единственная конструктивная информация. Жаль, что связь у вас односторонняя. Ждать придется когда «давить» начнут по-настоящему. Заявится он тогда – этот «Васильев» к вам обязательно, лично еще раз. Вот тогда и брать его нужно. Вместе с

сопровождением. Их можно подхлестнуть и заставить играть по нашим правилам. А для этого Вам, Михаил Петрович, следует сделать вот что...

– Мишка слушал Геннадия Всеволодовича и поражался насколько тот быстро и четко понял все нюансы.

– Я вас понял, Геннадий Всеволодович. Как быть со связью? И потом, как бы не опередил нас «Васильев» со своим визитом. Заявится, а мы не готовы. Ищи потом его. А мне придется «на дно» нырять. Не хотелось бы.

– Пока через Федора Леонидовича. Я завтра же переговорю с Семеном Валерьевичем, он ведь пока не в курсе. О результатах сообщу Федору Леонидовичу. И, очевидно, еще одна встреча нам понадобится вот такая же, как сегодня – конфиденциальная. До этого ничего не предпринимайте. Делайте вид, что озабочены и ищите исполнителей. Сумму изрядную они вам отвалили, и суeta ваша им будет понятна. Встречайтесь с криминальными элементами. Демонстрируйте активность в этом направлении. И ждите звонка завтра от Федора Леонидовича. Мне очень не нравится то, что мы вынуждены привлечь его, подвергая тем самым опасности. Но, к сожалению, нам без его помощи не обойтись, – обескуражено развел руками Геннадий Всеволодович, виновато взглянув на Академика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.